

Катарина
Зек

Адриана в мире Геней

МОЙ МИР СТАЛ ДЛЯ МЕНЯ ВЕЧНОЙ ЛОВУШКОЙ...

Катарина Зек
Адриана в мире теней
Серия «Young Adult. Немецкое
магическое фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63978121

*Адриана в мире теней:
ISBN 978-5-04-118419-3*

Аннотация

Меня зовут Адриана.

Я тень, блуждающая во мраке собственных воспоминаний.

Со дня моей смерти прошло уже триста лет. Постепенно моя память слабеет, события прошлого тускнеют, теряя остроту.

Снова и снова я хватаюсь за блеклые образы как за спасительную соломинку в страхе лишиться рассудка и раствориться в тумане.

Многое мне уже не вспомнить, но эти три вещи я не забуду никогда:

Мою смерть,

Моё имя

И Нейтана.

Спустя триста лет Адриана встречается юношу, похожего как две капли воды на её возлюбленного. Под страхом исчезновения она не может соприкоснуться с миром людей, да и сами люди не

в силах видеть тени. Однако этому юноше удастся разглядеть её... Адриана понимает, что это тот самый Нейтан, но теперь он охотник на теней, а она сама из его невесты превратилась в существо, которое необходимо уничтожить...

Содержание

Плейлист	6
Первая часть	7
Пролог	8
1	12
2	27
3	40
4	58
5	67
6	77
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Катарина Зек

Адриана в мире теней

*Для моих читательниц и читателей,
для храбрых и находчивых,
для робких и скромных,
для всех шутников и чудаков,
вы – классные!
Посвящаю вам эту книгу!*

© Опалева Анна, перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Плейлист

1. Freya Ridings – Ultraviolet
2. Luxuslärm – Vergessen zu vergessen
3. The Cinematic Orchestra – To build a home
4. London Grammar – Hey now (acoustic)
5. Daughter – Still
6. Quails – High hopes
7. Raye – Alien
8. Lana del Rey – Love
9. Julia & Angus Stone – Santa Monica dream
10. Lord of the Rings – OST
11. Florence and the Machine – Cosmic love

Первая часть

Туман

Тебя, тень, я создал из ничего, я создал тебя из чистого света. Ты с жадностью приняла мой подарок, запятнав его кровью невинных, поэтому я проклинаяю тебя. Пусть моя сила давно забыта и мне не уничтожить тебя, я воздвигаю стену между тобой и людьми.

Я дарю тебе еще один подарок: твой собственный мир, который станет для тебя вечной ловушкой.

Пролог

Мое имя – Адриана.

Мое имя – Адриана, я тень, блуждающая во мраке собственных воспоминаний. Со дня моей смерти прошло уже триста лет. Постепенно моя память слабеет, события прошлого тускнеют, теряя остроту. Снова и снова я хватаюсь за блеклые образы, как за спасительную соломинку, в страхе лишиться рассудка и раствориться в тумане. Многое мне уже не вспомнить, но эти три вещи я не забуду никогда:

Мою смерть.

Мое имя.

И Нейтана.

Нейтан – неужели его возможно забыть? Неужели возможно отпустить то единственное прекрасное воспоминание, связывающее меня с миром людей?

Даже сейчас, после стольких лет, я отчетливо помню его открытый, чуть насмешливый взгляд голубых глаз, слышу голос – густой баритон, вижу его мягкую и приветливую улыбку, которую я обожала. Я с любовью вспоминаю волны его длинных темных волос, обрамляющих высокие скулы. Крохотное воспоминание, чудесное видение, нам дали так мало времени! Невероятно, что лишь мгновения оказалось достаточно, чтобы его образ навсегда отпечатался в моей памяти.

Время, проведенное с Нейтаном, сейчас кажется мне мечтой. Недостижимой мечтой, полной радости и светлой грусти. Романтической мечтой родом из юности, когда я была наивной глупышкой, твердо убежденной в том, что любовь двух людей – это то, вокруг чего вертится мир.

Не проходит и дня, когда я бы не чувствовала отвращения к ней, к той, которая отняла у меня настоящее, украла будущее. Она лишила меня радости любить и быть любимой.

Я едва ли смогу вспомнить больше. Образы, возникающие в памяти, размыты и почти так же эфемерны, как туман, разделяющий границы миров. Разочарование. Оно преследует меня. Хватит! Я неоднократно испытывала его в мире живых. Хватит! Меня отвергли и предали. Она. Моя семья. И Нейтан, в конце концов, тоже. В голове нет фактов, нет дат, только клочки воспоминаний, картинки из прошлого.

Прочь! Это больше не имеет значения. Осязаемый мир вещей нам здесь безразличен. Оставшиеся воспоминания исчезнут с течением времени, которое тяготеет над нами грузной массой. Мы никуда не торопимся, нам некуда торопиться. У людей все наоборот, в их оживленной спешке время летит незаметно. Честно говоря, я сильно сомневаюсь, что здесь существует понятие времени. Здесь нет ни звуков, ни запахов, здесь нет жизни, а значит, и нет времени. Песни, смех, разговоры – все осталось в мире живых. Наш мир нем, как могила. Каждый из нас одиночка, у которого свой собственный путь.

Строжайшие правила воспрещают нам общаться с людьми. Нам запрещено разговаривать с ними, касаться их, показываться им.

Запрет нарушают только те немногие души, которые из последних сил цепляются за призрачную возможность избежать забвения, обмануть смерть. Они скитаются между мирами в поисках впечатлительных мальчиков и девочек, чтобы воспользоваться их жадой веры в необъяснимое и фантастическое, выжать как можно больше жизненных соков. После встречи с тенью человек уподобляется ей, лишаясь эмоций и памяти. Он не может ни жить дальше, ни умереть. Именно так случилось однажды со мной.

Пока что я еще являюсь частью мира людей, но в то же время я далека от него, как Земля от Солнца. Два мира, которые существуют параллельно друг другу и чьи судьбы так часто переплетаются друг с другом, разделяет незримая тончайшая вуаль серого тумана. Она искажает реальность, и я вижу мир людей будто через разбитое стекло. Словно в гипнотическом трансе мы переживаем все события реального мира, не имея возможности вмешаться.

Мы прокляты. Наши руки и ноги скованы строжайшим запретом, лишаящим нас возможности изменить течение жизни. Скованы навсегда.

Мы всегда одни в этой тишине, в этом жутком царстве серого холода, который заставляет меня дрожать изо дня в день. Многие из нас уже никогда не вспомнят свое прошлое,

никогда ничего не почувствуют. Мрачные тени обитают в заброшенных домах. Их настоящее – бесцветная масса, и только из скуки они являются маленьким детям в ночных кошмарах, заставляя тех просыпаться среди ночи, дрожащими от страха. Многие уже забыли, что значит быть людьми. Они лишь безликие призраки. Создания тумана.

Но я... Я еще храню в себе искру надежды. Тлеющее воспоминание о Нейтане поддерживает во мне жизнь.

Несмотря на то что я больше не принадлежу реальному миру, я также не принадлежу миру тумана. Бессмертие не для меня. Страшно даже представить, что я могу забыть запах полевых цветов или мягкость пухового одеяла под кончиками пальцев. Мне бы хотелось жить снова, хотя я знаю, что строжайший запрет не позволит мне этого. Нарушителей ждет кара – агония, которую сложно себе даже вообразить. Я никогда не прикасалась к человеку, однако уже не раз слышала предупреждающий шепот, напоминающий о запрете. Боль должна быть невыносимая.

Но что, если оно того стоит? Что, если оно того действительно стоит? Нам нужно лишь противостоять боли и вырваться из когтей могущественной и древней силы.

Может быть, через боль существует путь назад? Назад к Нейтану...

На пороге новой жизни

Мои пальцы горели от точно нанесенных ударов. Усилием воли я подавила слезы: нельзя показывать слабость, которая только сильнее его разозлит.

– Когда ты наконец сыграешь эту партию без ошибок? Ты не должна как сумасшедшая гнаться за благосклонным зрительским кивком! Нужно уметь сыграть так, чтобы слушающий сам ласково потянулся к тебе, – рявкнул он.

Я опустила взгляд на свои измученные пальцы. Естественно, отвечать на вопрос мистера Хьюстона было бы непростительной дерзостью с моей стороны. В прошлом я не раз восставала против его методов обучения, но, когда к моему сильнейшему сожалению, родители поддержали этого тирана, я оставила попытки сопротивления. Мистер Хьюстон, он же Визгун, тайное прозвище толстяка, был моим учителем музыки и иностранных языков. Стоит упомянуть, что бедняга всю свою жизнь страдал тяжелым заболеванием легких и часто закашливался с визгом и хрипом. Во время таких приступов он немного напоминал свинью, которая изо всех сил пытается избежать топора мясника.

Итак, помимо музыки Визгун преподавал языки, которыми мастерски владел сам. В четырнадцать я бегло говорила на французском и итальянском. Я также могла поддержать

беседу на испанском и русском, переводила тексты римских и греческих поэтов многовековой давности. Иногда Визгун неохотно признавал, что я таки обладала «едва заметным ростком языкового таланта».

Услышать от Визгуна похвалу было для меня большой редкостью, зато он щедро сыпал упреками. На уроках музыки приходилось особенно тяжело. Они оставались настоящей пыткой, так как творческой одаренностью я не выделялась. Мой отец особенно удрученно опускал голову всякий раз, как я неуверенно перебирала пальцами по клавишам рояля. Он часами читал мне лекции о том, какими качествами, по его мнению, должна обладать достойная женщина, если она однажды хочет удачно выйти замуж. Конечно, замужество не являлось единственной целью моей жизни, но отцу было совершенно не обязательно об этом знать. Тогда считалось, что родителям лучше известны желания их ребенка. Роль женщины заключалась в следующем: выйти замуж, родить ребенка и на протяжении жизни во всем потакать мужу.

Вот почему я в тысячный раз сидела за этим проклятым роялем, часами упражняясь и слушая недовольные крики моего учителя. Я спрашивала себя, неужели это все, на что я могу рассчитывать в жизни? Мои длинные пальцы скользили по холодным клавишам рояля, дрожа в ожидании очередного удара.

Весной мне исполнилось восемнадцать, но я чувствовала себя вдвое старше. Долгие часы, проведенные на уроках

Визгуна, измотали меня, и ранним вечером я, измученная, без сил падала в кровать. Думаю, что именно манера преподавания Визгуна была главной причиной моих частых болезней. Сколько бы времени я ни проводила на свежем воздухе, я всегда оставалась слишком бледной. Но порой у меня было достаточно сил перед учебой, и я тайком брала томики из отцовской библиотеки. Я просиживала за книгами часами, проживая тысячу новых жизней. Я отправлялась в далекое путешествие, сопровождая Энея и Одиссея, плакала вместе с Ромео и Джульеттой и волновалась за Макбета. Каждый раз, когда Визгун на несколько недель уезжал на воды и в особняке оставались только мы с горничной, я посвящала себя изучению философских трактатов. Некоторые из них дарили мне надежду, что однажды я смогу вырваться из оков моей нынешней жизни, которая была полностью продиктована другими людьми. Но я не строила воздушные замки. Моей единственной целью оставалось стремление угодить родителям, быть послушной дочерью, несмотря на то что каждый день на их недовольных лицах я читала немой укор.

Сегодня я уже не могу вспомнить точную дату своего рождения. Думаю, что я родилась в первой половине восемнадцатого века, хотя мне, конечно, нечем подтвердить свои слова. Мои родители разбогатели еще задолго до моего рождения. Они купили роскошный особняк в Дувре, чтобы моему отцу Томасу было удобно добираться до ближайшего

порта. Купец, он не бывал дома месяцами, постоянно находясь в плавании. Его торговое судно рассекало волны различных морей земного шара. Наша семья избежала ужасов гражданской войны и чудесным образом не лишилась своих богатств. У меня не было братьев и сестер, по крайней мере законных. Мое рождение тяжело далось матери, она долго мучилась в схватках и потеряла много крови. С тех пор она никак не могла достаточно окрепнуть, чтобы выносить ребенка, и шанс на рождение наследника мужского пола, который мог бы пойти по стопам отца, был безвозвратно потерян. Наверное, это стало главной причиной ее неприязни ко мне. Она оставляла мое воспитание другим: нянькам и учителям. Завоевать одобрение матери было задачей не из простых. Она часто ругала, осуждала, обвиняла, упрекала. Только из тщетной надежды завоевать крохи ее любви годами я терпела тумаки и придирки. Я хотела быть любимой, хотела стать поводом для радости, хотела завоевать ее благосклонность. Возможно, однажды мне бы это удалось, если бы она не перечеркнула все, чего я достигла.

Я даже не заметила, когда она первый раз прикоснулась ко мне. Моя интуиция предостерегла меня, но я была еще молода, слишком молода, чтобы как следует к ней прислушаться. В тот день Визгун, как всегда, был недоволен – мне опять не доставало концентрации. Он нанес настолько сильный удар, что мои пальцы опухли, и я с трудом могла шевелить ими. Наш семейный врач прописал мне постельный ре-

жим, а также наказал беречь пальцы. Мне предстоял отдых длинной в несколько дней, и я наслаждалась теплой летней погодой, сидя у садового прудика с очередным романом из отцовской библиотеки.

Позже я часто вспоминала о том, что в тот день я почувствовала легкое касание и услышала странный шепот. На долю секунды я вернулась в то мгновение. Почему я сразу не ощутила ее присутствия? Ее касание было воздушным и легким, как перо. Она осторожно преследовала добычу.

Ее прикосновение было настолько необычным и новым ощущением, что мне сложно описать его словами. Я сидела на солнце с запрокинутой головой, подставляя щеки обжигающим лучам солнца. Внезапно моей кожи коснулся слабый, холодный ветерок, и я, вздрогнув, обернулась в поисках источника пролады. Не обнаружив ничего кроме ярких цветов, зеленой лужайки и чистого солнечного света, я закрыла глаза. Что-то злое совсем близко. Я была убеждена, что неизвестная опасность витала в воздухе. Нет, я все себе надумала, откуда взяться ледяному ветру в такой жаркий день? Логичность этой мысли отогнала страх. Я спряталась от дурных мыслей в мягкой траве и провела остаток дня, развлекаясь.

Когда отеки спали, Визгун снова появился в нашей усадьбе. Попытки возобновились, и, как мне показалось, с удвоенной силой.

Осень подходила к концу, пушистые снежинки накрыли землю белым покрывалом. Дни становились короче, темне-

ло так рано, что мне запретили покидать дом после занятий. Это мистическое, полное тайн время года, которое я так сильно любила, будучи ребенком, теперь превратилось в кошмар. Я оказалась в ловушке между бесконечными причитаниями моего учителя и упреками отца, чьи требования были настолько высоки, что я просто не могла им соответствовать. Я жила мечтами о тайном пути к свободе, который я хотела найти где-нибудь за потайной дверью.

Если бы я тогда знала, что меня ожидает, я уж наверняка была бы умнее, постаралась бы всем сердцем полюбить свою жизнь и быть покорной. Но с течением времени я становилась только более молчаливой и замкнутой. Я избегала общества прислуги, хотя они были единственными людьми, которые меня уважали и не скупились на комплименты. Я все меньше виделась с родителями, так как мой отец все чаще бывал в плавании, а мать взяла привычку сопровождать его в путешествиях. Может быть, она просто хотела помешать появлению бастардов на других континентах.

В один прекрасный день отец и мать, светящиеся от счастья, вернулись из Лондона и поделились со мной новостью о том, что они нашли мне подходящего мужа. Визгун как раз покидал наше поместье. Он научил меня всему, что знал, и если я по причине моей безграничной неспособности довести все до совершенства что-то упустила, то была не его вина. Он исчез из моей жизни, не попрощавшись. Я никогда не тосковала по нему, но в глубине души чувствовала, что одна

из укоренившихся детских привычек просто пропала.

До моей свадьбы оставалось несколько недель. Царила суматоха, которой я пыталась избежать всеми возможными способами. Приглашения были написаны и разосланы в разные уголки мира. До этого момента я даже не подозревала о том, что мои родственники разбросаны по всему земному шару. Ответы приходили каждый день, и, к моему глубокому разочарованию, по большей части совершенно незнакомые мне люди сыпали поздравлениями и обещали приехать на церемонию. Свадьба в Дувре была тщательно спланированным общественным мероприятием. Мой жених, сын какого-то могущественного англичанина, который, как и мой отец, занимался торговлей с туземцами английских колоний, был настолько богат, что все кругом изводились от зависти. Именно поэтому моя мать поставила себе целью сделать из меня к свадьбе милейшую женщину. При помощи белой пудры она превратила мою нездоровую бледную кожу в аристократическую утонченную бледность. Мои непослушные рыжие волосы она стянула в тугий узел. И последнее, но не менее важное, она обвела мои серые глаза угольным карандашом.

Эти изменения мне совершенно не нравились, как и, собственно, вся суэта вокруг свадьбы. Я не хотела выходить замуж, а уж тем более за человека, которого ни разу в жизни не видела и который предположительно был высокомерным юнцом. Но мое желание не учитывалось. Я должна покорить-

ся воле моих родителей, как послушная дочь.

Опять же никто не беспокоился о моем несчастье. Я отказывалась поддерживать любой разговор, касающийся моей помолвки, ела и пила ровно столько, чтобы не падать в обморок. Те немногие, которые догадывались о причине моей печали, поспешно отводили глаза.

Несмотря на то что годы своей юности я помню очень расплывчато, я прекрасно помню обручальный бал. В тот день я должна была впервые увидеть своего жениха. Я помню страх, который сковал мое тело и заставил его периодически содрогаться. Я помню многочисленные планы побега, которые придумала, но исполнить которые мне бы никогда не хватило мужества. Я помню длительную процедуру облачения в элегантное платье с узким корсетом. Я помню даже резкий аромат фиалок и тмина, которым пахло масло на моих запястьях.

Но лучше всего я помню торжественный момент, в который мы были представлены друг другу. Мне казалось, что пронизательный взгляд голубых глаз стоящего напротив меня юноши в черном костюме был способен проникнуть в самые потаенные уголки моей души.

Мгновение остановилось. Мать что-то радостно щебетала, положив руку мне на плечо, но я никак не могла разобрать слов, так громко стучало мое сердце. Люди, заполнившие зал, прекратили существовать. Он и я, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза. По лицу Нейтана скользнула из-

виняющаяся улыбка, румянец залил щеки. Он протянул мне руку, приглашая танцевать. Мы сошлись во мнении о чрезмерной напыщенности праздника, и я немного расслабилась.

Все мои сомнения и тревоги закружились в танцевальном вихре, поднялись высоко над головами гостей и словно пыль опустились под ноги, беспощадно растоптанные в конце концов каблуками. Рядом с Нейтаном все мои проблемы исчезли, жизнь заиграла новыми красками. Сгорая от стыда, я неуклюже путалась в подоле собственного платья. Опасаясь падения, я крепче сжала руку моего изящного кавалера, но, снова споткнувшись, зажмурилась, готовая упасть. Нейтан ловко схватил меня за талию и одним резким движением привлек к себе. В тот же момент я залилась краской, судорожно начав извиняться, на что мой спаситель ответил язвительной улыбкой, сопровождаемой пренебрежительным жестом. Именно эта улыбка, самоуверенная усмешка разожгла пожар в моей душе. Нейтан привлек меня к себе так близко, насколько позволяли общепринятые приличия, и склонил голову к моему уху.

– Надеюсь, я не успел вас разочаровать. Ваша благосклонность способна сделать меня счастливым, – сказал он так тихо, чтобы никто больше не мог нас услышать.

– Чем же вы могли меня разочаровать? – осторожно ответила я. Ах, я была совершенно не в состоянии вспомнить ни единого наставления моей матери, которая учила меня, как именно стоило поддерживать светскую беседу.

– Вы изумляете меня. Большинство дам вашего ранга ненавидят собственную свадьбу задолго до ее наступления. Мало кто пожелает выходить замуж за незнакомца.

– Боюсь, я не похожа на других дам моего ранга, сэр, – я отвечала от чистого сердца. – И, откровенно говоря, совершенно не хочу на них походить.

Среди моих выдающихся качеств не было ни красоты, ни находчивости, ни даже крупицы женского обаяния. Так утверждали мать и отец. Именно поэтому я никак не могла понять, почему этот харизматичный юноша был так по-рыцарски вежлив и уделял мне столько внимания. Должно быть, превыше всего для него было чувство долга перед семьей.

И все же мне было не по себе. Я совершенно не горела желанием связать свою судьбу с человеком, который бы меня совсем не любил, а женился только из уважения к родительскому выбору. Я хотела настоящего женского счастья – быть любимой. Ничего более.

– Почему же вы не хотите быть как большинство дам? – спросил Нейтан и, продолжив уверенно вальсировать, крепче сжал мою дрожащую руку. Кстати, умение пластично двигаться тоже не входило в число моих талантов.

Я выдавила улыбку.

– Мне бы не хотелось растрачивать ваше драгоценное время, отвечая на этот вопрос, – пробормотала я и опустила глаза, уставившись на шнурки туфель.

– Мы вместе проведем вечер, а также следующие несколько дней, познакомимся ближе. Так почему бы не начать узнавать друг друга прямо сейчас? – спросил он и, нежно коснувшись моего подбородка, чуть приподнял его.

– Я боюсь вам наскучить. Это бы не понравилось моей семье.

Нейтан отреагировал лишь выгнутой бровью и перевел взгляд на другие танцующие пары. Только в этот момент я заметила, как сильно мы от них отделились. Мы были безразличны шумной толпе, всем, кроме моей матери, чей зоркий взгляд я чувствовала спиной.

– Вы не находите слишком самонадеянным, принимать решения от моего имени?

Я отвела взгляд не в силах парировать.

– Поверьте мне, я совсем не ребенок и могу самостоятельно сделать выводы о том, что способно мне наскучить.

– Прошу прощения, сэр, – заливаясь краской, прошептала я. Сразу после моих извинений он тихо рассмеялся.

– Это вы простите меня, я пошутил. Не справился с искушением! Прошу, зовите меня Нейтан.

Он медленно поднес мою руку к губам и поцеловал кончики пальцев. Танец закончился. Нейтан еще раз взглянул мне в глаза, и его лицо, на первый взгляд такое отстраненное, озарилось улыбкой.

– Не стоит так дрожать за интересы своей семьи, Адриана. Вы можете открыться мне. Нет, я даже требую этого, я хочу

изучить каждый уголок вашей души. Не хочу больше видеть эту маску, которую вы носите. Хотя, если быть до конца откровенным, мы все обожаем надевать маски.

Когда большая часть гостей покинула богато украшенный банкетный зал и прозвучали финальные аккорды, я наконец смогла отдышаться. После изнуряющих танцев я почти не ощущала ног, они были тяжелыми, словно налитыми свинцом, щеки пылали. Я вышла на балкон, поспешив захлопнуть спасительную дверь. Ночь дышала прохладой и ароматом цветущего сада. Я сделала глубокий вдох, наслаждаясь свежестью. Мирный пейзаж радовал глаз. Я никогда не верила в любовь с первого взгляда, никогда не строила иллюзий на этот счет. В моей жизни я не так уж часто была искренне любима. Любовь всегда нужно было уметь заслужить. А как же мое право на счастье? Маленький шанс? Неужели пришло, наконец, мое время получить его?

Я еще толком не могла в это поверить. Удача имела привычку убегать от меня. Как мог такой, как он, влюбиться в такую, как я? Он уже заполучил абсолютную власть надо мной, я это знала. Власть, настолько могущественную, что я не решилась бы даже взглянуть на него без команды.

И все же было еще кое-что незримое между нами. Что-то интимное, сокровенное, что-то, что я не могла объяснить себе, не могла понять. Возможно, я все надумала, нафантазировала и между нами не было ничего особенного, только наивная влюбленность двух молодых людей.

Глубоко задумавшись, я даже не заметила, как кто-то бесшумно подошел ко мне сзади. Когда я обернулась, Нейтан стоял так близко, что у меня перехватило дыхание. Все мысли растворились в чувствах.

Он наклонил голову. Его глаза устремились в небо, утопая в темноте, в то время как я утопала в его глазах.

Усилием воли я постаралась привести в порядок разрозненные мысли.

– Как вы находите вечер? Вам все понравилось?

Его глаза блеснули, а уголки губ медленно поползли вверх в самодовольной ухмылке.

– Прекрасное начало бала! Но после нашего танца все краски вечера померкли, я только и ждал нашей новой встречи. И вот я вновь стою перед вами.

– Мне кажется, что большинство людей обожают бал только из-за обилия еды на столах, – краснея, пробормотала я. Нейтан звонко рассмеялся.

– Точно подмечено. И все же я бы хотел вернуться к вопросу, от которого вы столь ловко уклонились на балу. Почему вы не похожи на других женщин? – спросил он, скрестив на груди руки.

Неужели он действительно хотел услышать целый список причин, почему я совершенно не подхожу на роль идеальной невесты? Глубоко вздохнув, я приготовилась к непростому разговору. Кажется, только мне было под силу загнать в тупик саму себя.

– Я точно не та изысканная леди, которой вы достойны, Нейтан. Но в свою защиту скажу, что я никогда не стремилась превратиться в идеал. Я лишь предупреждаю вас, ведь так легко совершить опрометчивый поступок.

Шокированная собственной безжалостной честностью, я бросила нерешительный взгляд в сторону Нейтана. Он молчал, вглядываясь в пышную липовую крону.

– Я смотрю на вас и вижу очаровательную девушку, когда же вы смотрите на себя сами, то видите только кривое отражение этой красавицы. Почему? – резко спросил он.

– Кривое отражение? – переспросила я, едва шевеля губами. – Что вы имеете в виду?

Нейтан тяжело выдохнул, опустив голову, а еще через миг юноша резко оттолкнулся от перил, на которые он до этого облокачивался. Тонкая деревянная конструкция задрожала, заколыхалась, словно под порывами ветра, послышался хруст. В этот момент я спросила себя: откуда он черпает силы? Но все мысли вновь исчезли, когда Нейтан прикоснулся к моему лицу тыльной стороной ладони.

– Речь не о том, чего мы желали когда-то давно или чего ожидаем в далеком будущем, а о том, что мы чувствуем здесь и сейчас, – уверенно сказал юноша. Его правая рука медленно опустилась на мое плечо, заставляя трепетать от прикосновений. – Я чувствую, будто странным образом уже связан с тобой навсегда.

Он гипнотизировал меня взглядом, и я не могла оторвать-

ся от озорных голубых глаз. Ноги подкосились, я безвольно упала в объятия этого юноши.

– Я не хочу, чтобы ты менялась в попытках стать лучшей версией себя. Прошу, пойми, что ты прекрасна и другая, идеальная невеста мне не нужна.

Наши губы встретились, сомкнулись и слились в поцелуе. Чувства захлестнули меня подобно волне, лишая возможности думать, сопротивляться, дышать. Доверие. Безграничное доверие. Светлая грусть. Отчаяние. Решимость.

И надежда.

Потерянная любовь

Два огромных окна возвышались от пола до потолка, впуская ласковые солнечные лучи. Я лежала с закрытыми глазами, лицом ощущая светлый веселящий жар. На душе было спокойно. Я не только хорошо выпалась, но и чувствовала себя по-настоящему счастливой. Пока горничная хлопотала вокруг, старательно затягивая шнуровку моего любимого красного платья, я внимательно оглядывала себя в зеркале, будто хотела увидеть там что-то новое. И действительно, мой облик решительно изменился. Девушка в отражении беззаботно улыбалась: ее розовые щеки мерцали, а призывающие к действию глаза, полные свободы и решимости, напоминали мне глаза воительницы, которой я всегда мечтала стать. Оказалось, моей душе нужен был только маленький толчок в нужном направлении, чтобы расцвести. Я наконец была готова по-настоящему насладиться жизнью. С гордо поднятой головой и радостным покалыванием в животе я шагнула в новый день.

После завтрака я лениво прогуливалась по парку с книгой под мышкой. Тенистое тихое местечко, чтобы спрятаться от жары, – вот и все, что мне сейчас было нужно. Ранним вечером планировался банкет в честь свадьбы, который устраивали родители для нас с Нейтаном. Я не могла не думать о

предстоящем свидании, все внутри трепетало. Столько всего хотелось спросить у него. Что ему нравилось, а что он терпеть не мог, какие книги выбирал, какую музыку предпочитал. Но я уж точно не собиралась бестактно расспрашивать его, хотя вопросы так и вертелись на языке. Да, на тот момент я уже была без памяти влюблена в Нейтана, хоть и боялась себе в этом признаться.

Я решила устроить привал под мохнатыми ветвями старого дуба, одним движением подобрала подол платья и опустилась на траву. Книга приземлилась рядом, раскрывшись где-то на середине. Сложив руки за головой, я наслаждалась тишиной, которую нарушали только щебет птиц и глухой стук лошадиных копыт.

– Надеюсь, я не помешаю, Адриана.

Я вздрогнула, тотчас выныривая из омута сладкой дремы, и резко открыла глаза. В тот момент я была готова поспорить, что этот мелодичный голос, тревожно знакомый мне, принадлежал ветру. Я взяла себя в руки, успокоилась и резко провела рукой по волосам, убирая травинки. Обычно я четко слышу каждый шорох. Удивительно, как легко ему удалось подкрасться ко мне в тишине, обмануть слух, усыпить бдительность.

– Нет, не вставай, – прошептал голос, предугадывая мои движения и обгоняя мои мысли. В ту же секунду мои щеки залились краской. Прекрасное начало великосветской беседы.

Несоответствие холодного взгляда с мягкой улыбкой придавало ему таинственное очарование. Я совсем как ребенок удивленно моргала глазами, бесшумно открывая и закрывая рот. Все мысли стремительно исчезали. Я бы не смогла удержать их, даже если бы захотела, их все дальше увлекало бурным потоком.

Инстинктивно ответив на его улыбку, я успокоилась. Его присутствие было тревожным и волнующим, но я все же смогла собраться.

– Ты выросла здесь? – спросил он и, всматриваясь в мои глаза, с любопытством ждал ответ.

Я кивнула:

– Да. Иногда я сопровождала родителей в поездках по стране, если того требовали дела, но последние несколько лет никуда не выезжала.

Он тоже кивнул, а его взгляд скользил по моему лицу, потом на мгновение замер на губах и устремился в небо. Налетевший ветерок ощутимо холодил шею, руки, норовил залезть под юбку, чуть приподняв тяжелый сатин. Я раздраженно встряхнула волосами, в то время как бриз, слишком холодный для такого жаркого дня, немного стих.

– Ты здесь счастлива? – спросил он, почти через силу взглянув на меня. В его глазах я прочитала неожиданное предостережение, которого я не замечала раньше. Возможно, за годы с Визгуном я просто стала чересчур подозрительной и не могла верно истолковать выражение лица Нейтана?

Я не хотела ни лгать ему, ни говорить правду. У меня была одна попытка, чтобы уклониться.

– Кто такой счастливый человек? Кто может назвать себя по-настоящему счастливым? Боюсь, что людей, которые уверенно утверждают, что они действительно счастливы, я пересчитаю по пальцам.

Его голубые глаза сверкнули, напомнив мне вечные льды, о которых в детстве рассказывал отец. Вечные, спящие глыбы. Опасные, манящие коварной красотой.

– Нередко ли случается так, что люди не осознают своего счастья? Они живут, соревнуясь, живут по принципу «быстрее, выше, сильнее», год за годом охотятся за призрачными наградами, даже не догадываясь, что счастье уже у них в кармане.

– Да, – протянула я. – Но не всем повезло найти хоть что-то, удерживающее их на плаву. Да, многим совершенно не за что ухватиться, чтобы не утонуть.

– Тебе есть за что ухватиться? – он наклонил голову так, что его лицо оказалось в тени ветвей. Юноша выжидающе молчал, будто от моего ответа зависела судьба целого мира.

– У меня есть все, что требуется человеку для жизни, – парировала я.

– Еда, одежда и крыша над головой, – иронично заметил он и придвинулся чуть ближе, коснувшись моего колена. Я не решалась пошевелиться.

– Что насчет тебя? – резко спросила я, твердо решив, что

не позволю ему и дальше мучить меня вопросами.

В одно мгновение его лицо потемнело, брови дрогнули, почти сойдясь у переносицы, голубые глаза, обычно блестящие и доброжелательные, померкли, губы перестали улыбаться. И все же он оставался красив какой-то дьявольской, опасной красотой. Я невольно вытянула вперед руку, чтобы развеять, одним движением смахнуть с его лица горькую серьезность и остроту, которые никак не способствовали доверительной беседе. Я боялась испортить все глупым вопросом, боялась лишиться его благосклонности.

И тогда он легко улыбнулся, жуткая тень исчезла.

– Еда, одежда и крыша над головой, – смеясь, сказал он. – Работа, приносящая удовольствие. Отец, мать и брат, с которым мы очень дружны.

Я хотела больше узнать о семье Нейтана, но он уклонялся от расспросов, все больше прижимая меня к земле. Солнце слепило глаза, и я видела только склоняющуюся надо мной тень юноши. Еще мгновение – и его горячие губы коснулись моих губ. Мы страстно целовались, забыв обо всем на свете.

– Останься со мной, – прошептал он мне на ухо.

Я ничего не услышала, но все поняла.

– Навсегда, – сказала я. Прежде чем снова завладеть моими губами, он издал слабый стон, в котором смешались боль и наслаждение. Он подчинил себе мою душу.

Мир вновь обрел звуки и движения, когда Нейтан отстранился.

– Все в порядке? Ты еще тут? – спросил он, ухмыльнувшись. Я засмеялась.

– Я здесь. Действительно здесь. Все по-настоящему.

И я задумалась о том, что испытала минуту назад. Ощущение свободы, полета, детской радости и чистого счастья.

– Не хочешь куда-нибудь сходить? – спросил Нейтан после того, как прислуга убрала грязную посуду, скрывшись на кухне. Мать, отец и еще целая куча дальних родственников, которых я практически не знала, что-то оживленно обсуждали.

Я подняла голову. Сейчас я больше всего на свете хотела вырваться из поместья, полного любопытных, вечно устремленных на меня глаз. Так что мне было абсолютно все равно, куда отправляться. Однако вежливость превыше всего.

– Куда? – деликатно спросила я.

– Может быть, в театр? Я слышал, сегодня дают Шекспира.

– Звучит просто прекрасно! – воскликнула я, стараясь скрыть уж слишком радостную улыбку за более серьезным выражением лица.

Карета уже ждала нас у крыльца. Бархатистые шторы, мягкие подушки на сиденьях, два лакея, кучер и, конечно, четверка быстрых лошадей – все, что требовалось для небольшого путешествия. Я облегченно вздохнула, удобно устроившись на подушках. Лошади стремительно бежали галопом, время от времени издавая радостное ржание. Вскоре поме-

стве исчезло за холмом, и я совершенно успокоилась.

Я спрятала руки в складки моей бархатной розовой юбки и бросила осторожный взгляд на Нейтана, который в молчании сидел рядом, глядя в окно.

– Тебе нравится Шекспир? – спросила я, выждав некоторое время.

– Я люблю театр и все, что с ним связано, – ответил он. – С такой красавицей я мог бы отправиться куда угодно, даже на край света.

Несмотря на самодовольную улыбку на его лице, он выглядел рассеянным. Что-то в сумерках привлекло его внимание, и я, также попытавшись обнаружить нечто интересное, выглянула в окно. К сожалению, на знакомых мне с детства улочках Дувра я не заметила ничего примечательного. Я не могла даже представить, что настолько сильно поразило Нейтана, заставив его отвернуться от меня. Я взволнованно оглядела одежду, беспокоясь, все ли в порядке с платьем. Вскоре я в этом убедилась. Платье было чистым и аккуратным.

Карета с грохотом мчалась по вечернему бульвару, оставляя за собой только облака пыли. Снова и снова экипаж подпрыгивал на кочках.

В конце концов я не смогла сдержать свое любопытство.

– Тебе, наверное, сильно понравился город, раз что-то в его архитектуре смогло тебя так сильно удивить? – спросила я.

Тут он резко повернулся ко мне, сдвинув брови. Я невольно отстранилась.

Должно быть, я задела нужную струну.

– Да, – коротко ответил он и беспокойно вздернул плечи. Юноша снова отвернулся от меня, скрывая лицо в тени. Я откинула голову назад и твердо решила молчать. Что бы сейчас ни происходило с Нейтаном, он всем своим видом показывал твердое нежелание посвящать меня в свои тайные переживания. Его поведение только разбудило во мне новые опасения. Может быть, я в нем ошибалась? Неужели я только придумала себе эту необычную связь, возникшую между нами?

Чтобы удостовериться в своих мыслях, я снова заговорила с ним.

– Нейтан? – робко спросила я.

– Да?

– С тобой все в порядке? – сказала я, неуверенно коснувшись его руки. В тот миг, когда наши ладони соприкоснулись, я почувствовала острую боль. – Ай, – крикнула я, возмущенная и смущенная одновременно. Я обожглась. Но обо что я обожглась? Неужели об его руку?

Потирая зудящую ладонь, я вопросительно уставилась на Нейтана.

– Что это было? – спросила я. Мой взгляд скользнул сверху вниз по его рукаву, который кончался чуть ниже запястья. Я не обнаружила ничего необычного. Ничего, что могло бы

быть настолько горячим. Под перчатками виднелось кольцо, но оно было тщательно защищено тканью.

– Да что это было? – я повторила свой вопрос, который Нейтан в первый раз оставил без ответа.

Юноша сделал быстрое движение, демонстрируя кремневую зажигалку. Снисходительно смеясь, он на несколько секунд задержал ее в поле моего зрения.

– Видишь, – сказал он, – я держал ее в руке. Ты застигла меня врасплох, и я не успел убрать ее в карман.

В тот же момент мне стало нехорошо. Чего еще я ожидала? Подавив истерический смех, я кивнула. Он положил зажигалку на противоположное сиденье и стал поглаживать кончики моих пальцев.

– Мы возвращаемся. Тебе нужна медицинская помощь.

Я уже было открыла рот и приготовилась протестовать, но Нейтан положил палец на мои губы, приказывая молчать. Его лицо изменилось, и холодность, которую я заметила вчера, вернулась.

– Едем домой, – властно повторил он и запечатлел на моих губах долгий поцелуй. В ту же секунду я оставила попытки сопротивления.

Вглядываясь в темноту, Нейтан лениво поддерживал беседу. Я чувствовала, как медленно он отвечал, каждый раз делая над собой усилие, чтобы сохранить внимание. Какая бы тайна ни скрывалась во мраке, она не исчезла, даже после того как мы повернули к поместью.

Счастливейшим временем в моей жизни навсегда останутся те несколько недель, которые Нейтан провел в Дувре. Мы постоянно были вместе: выбирались на природу, вслух читали друг другу любимые книги, ездили в театр, и, конечно, мы делились мыслями о прошлом и о будущем. С каждым часом, проведенным вместе, мы становились ближе друг другу. Иногда мы просто молчали. Нейтан всегда был очень внимателен, и у меня сложилось впечатление, что он по-отечески присматривает за мной. Рядом с ним я могла полностью расслабиться.

Я была уверена, что, как только состоится наша свадьба, все плохое из моей прошлой жизни тут же растворится в воздухе. Мы уедем далеко-далеко на родину Нейтана или же станем путешествовать по миру, и я больше никогда не вернусь домой. Я думала, что уже преодолела достаточно трудностей, чтобы наконец вырваться из вереницы несчастий и зажить счастливо.

Как же сильно я ошибалась.

За неделю до свадьбы кое-что случилось. Меня ждала ночь, круто изменившая мою жизнь странным, неестественным и зловещим образом. Такое я не могла представить себе даже в кошмаре. Кстати, все началось именно с дурного сна.

Я проснулась в слезах и с громким криком на губах. Огромный дом спал спокойно, в коридоре было тихо. Никто не заметил или же просто не хотел обращать внимания на неестественный шум в моей комнате. Немного успокоив-

шись, я продолжила лежать, глядя в потолок широко открытыми глазами. Я твердо решила не спать, меньше всего мне хотелось вернуться в тот кошмарный сон. Я перевела взгляд и в тот самый момент в первый раз увидела ее.

Она сидела на краю кровати, болтая ногами. В ее глазах не было ничего. Ни любопытства, ни удивления, ни потрясения, ни радости – ничего, пустота. Я моргнула, ожидая, что видение исчезнет, но она все еще была тут, в моей комнате. Она больше никогда не исчезала.

Она сидела там, словно зловещий мираж, словно порожденный тьмой Омен. Ее образ был размыт, как будто нас разделяла полоса тумана. Пугающая тишина. Я бы даже сказала, кладбищенская тишина воцарилась в моей комнате. В груди тугим узлом скрутились внутренности, подкатил ком к горлу.

На ней была грязная серая рубашка до колен, а блондинистые редкие волосы стояли дыбом. Огромные, болезненные глаза с темными кругами под ними резко выделялись на худом лице. У нее также была нездоровая бледная кожа.

Я наконец собрала мужество в кулак, набрала в легкие воздуха и закричала так громко, как только могла. Я кричала и кричала, но она спокойно продолжала сидеть на моей кровати. Я кричала до тех пор, пока не охрипла.

Ночь тянулась утомительно долго. Я сидела в дальнем углу комнаты, в попытках спрятаться от непрошеной гостьи. Полностью забившись под одеяло, которое было моей един-

ственной защитой, я продолжала дрожать всем телом. Я молилась о том, чтобы рассвет испепелил эту жуткую тень. Но с восходом солнца ничего не изменилось. Она осталась и везде следовала за мной.

В панике я позвала слуг, чтобы те схватили ее и вышвырнули из дома, но я встретила только их сочувственные и испуганные взгляды. Я никак не могла понять, что никто не видит эту женщину. Никто, кроме меня.

Я требовала встречи с Нейтаном, но его не было в поместье. Он уехал на несколько дней, чтобы уладить некоторые дела, касающиеся свадебного путешествия. Оно должно было состояться в недалеком будущем. Следующие несколько дней стали кошмаром наяву. Не нашлось ни одного человека, который смог бы меня успокоить, и ни одного места, где я могла бы скрыться от моей призрачной преследовательницы. Она упорно оставалась рядом со мной, и поскольку ни один человек, кроме меня, не мог видеть эту женщину, родителям пришлось вызвать врача, который дал мне успокоительное. Однако лучше мне не стало: каждый раз при пробуждении ее образ первым привлекал мое внимание. Она сидела и ждала моего взгляда, раздражая своим вечным присутствием. В конце концов меня заперли в комнате, не оставляя даже крохотной возможности скрыться от призрака.

Незадолго до возвращения Нейтана двое мужчин вошли в комнату, чтобы забрать меня. Я не сопротивлялась, все слезы уже были выплаканы. Скрестив руки, мои родители сто-

яли перед входной дверью. Они холодно наблюдали за тем, как мужчины связывали мне кисти и затыкали рот тряпкой. Один-единственный раз я попыталась позвать их. Они только вздохнули с некоторым облегчением, будто избавляясь от тяжелого бремени. Я даже не попыталась крикнуть еще раз.

За долгое время поездки в неизвестном направлении я не сказала ни слова. Даже когда увидела огромное серое здание со стенами, уходящей в небо.

Я представила Нейтана таким, каким он был в последнюю нашу встречу, и всеми силами постаралась удержать в голове его образ. Пусть жизнь идет своим чередом. Тогда я была уверена, что он приедет. Точно приедет.

Он приедет, чтобы спасти меня.

Дом безумия

– Если будешь вести себя спокойно, так и быть, мы тебя развяжем. Поняла меня, девчонка?

Громкий голос медсестры разрезал тишину моих вялотекущих мыслей. После короткого сна я чувствовала себя разбитой и уставшей.

– Ты меня поняла или нет? Я с тобой разговариваю! Комната уже должна быть готова. Хватит спать! Ты, наверное, привыкла к лучшим условиям, но у нас тут свои порядки. Добро пожаловать!

Я часто заморгала, стараясь стряхнуть остатки сна. Внезапно медсестра сильно сжала мое плечо, и я вздрогнула всем телом. Мне не хотелось открывать глаза, не хотелось снова видеть ее. Руки и ноги нестерпимо ныли от саднящей боли. Толстые веревки, которыми меня привязали к кровати, напоминали змей. Они сковывали мои движения настолько, что я могла только еле-еле кивать головой.

Несколькими движениями медсестра распустила узлы. Ее сильные руки схватили меня за плечи и усадили в вертикальное положение. После долгих дней, проведенных в полусне, у меня кружилась голова, я никак не могла сесть ровно, хоть и старалась удержать равновесие. Я попыталась ухватиться за рукав медсестры, но она ударила меня по щеке. Снова

упав на кровать, я продолжила лежать с широко открытыми глазами.

– Не трогай меня, девчонка! – рывкнула медсестра и, резко дернув за руку, снова встряхнула меня. Встав на ноги, я едва не упала обратно на кровать. От резкого движения голова снова закружилась, и все расплылось перед глазами. Медсестра практически тащила меня, безжалостно схватив за предплечье.

Наш немой поход казался бесконечным. По обеим сторонам коридора тянулись массивные грязно-серые двери без ручек, снабженные только маленькими решетками и засовами. Тот, кто находился внутри, не имел ни единой возможности выбраться самостоятельно. Казалось, что черные решетки дверей, у многих отобравшие свободу, насмехались надо мной; злорадные, они напоминали дьявольские гримасы.

Мы остановились на несколько минут, пропуская группу людей, идущую нам навстречу. Две толстые медсестры и санитар пытались успокоить истерично кричащего мужчину. Он яростно размахивал руками и поминутно закатывал глаза.

– Оставьте меня в покое, дьявольские отродья! – кричал он.

Больше всего на свете мне хотелось закрыть уши руками, чтобы не слышать его слов, которые прозвучали горько и пронзительно, вызвав у меня только одну эмоцию – ужас и одно желание – спрятаться.

Внезапно одна из медсестер безжалостно ударила пациента коленом в живот. Он содрогнулся всем телом и упал на пол, свернувшись в клубок, издавая звуки, похожие на плач.

Другая медсестра со злорадной усмешкой вытащила из кармана своего халата узкую трубку.

– Гарри, Гарри, – она заговорила с таким наслаждением, что мне стало совсем не по себе, и по спине пробежали мурашки. Я без сил оперлась на стену, чтобы не упасть. – Что с тебя взять! Я ведь уже тысячу раз тебе повторяла: будешь послушным, не попадешь в карцер! Но ты совсем не оставляешь мне выбора. Генриетта?

Генриетта опустилась на колени рядом с пациентом и запрокинула его голову назад. Вжавшись в стену, я задыхалась от ужаса. Моя спутница предупредительно махнула рукой, толкая меня в сторону и уводя подальше от Гарри.

– Держи рот на замке, не то составишь ему компанию, – зашипела она.

Я испуганно наблюдала за тем, как медсестры безжалостно затолкнули серую трубку в горло пациента, совершенно не обращая внимания на хрипы и стоны. Женщинам пришлось еще долго бороться с ним, насильно разжимать Гарри челюсти и лить в горло воду с растворенными в ней таблетками до тех пор, пока веки мужчины не дрогнули и он не свалился пластом на холодный пол. С ощущением подступающей тошноты я опустила взгляд, не в силах больше выносить происходящее. Наконец, полностью потряхнув оцепенение, я

с ужасом думала о той чудовищной реальности, в которой мне было суждено каждый день испытывать всевозможные тревоги и неприятности. В то недолгое время, когда я наполовину спала, наполовину бредила, мне казалось, что все происходящее вокруг ненастоящее, просто очередной кошмар, который исчезнет с первыми лучами солнца. Я думала, что приняла слишком много успокоительного, заботливо переданного мне нашим семейным врачом, а последних событий моей жизни и вовсе никогда не случилось. Не было никакого призрака, никакой истерики и уж тем более не было никакой клиники для душевнобольных. Я действительно все это время верила, что существует другая причина появления веревок на моих запястьях, порезов на моих бедрах и постоянного присутствия чужих голосов, шепчущихся обо мне.

Когда я осознала, что ошибаюсь, что-то во мне надломилось. Меня не просто сослали куда-то, меня сослали в Шотландию, Хайленд, отрезав все пути к бегству и обрубив все контакты с внешним миром. Последняя искра надежды пропала, равно как и все остальные иллюзии, не выдержав столкновения с горькой реальностью. Как Нейтан разыщет меня здесь?

— Ну же, идем, Адриана. Поторопись, мы не можем стоять тут целый день.

Медсестра сильно сжала мою руку, вынудив покориться. Медленно переставляя ноги, я пошла следом. Бессознательно я делала все, о чем меня просили, хоть и чувствовала се-

бя жутко измотанной. Я тяжело вздохнула. Инцидент в коридоре лишил меня последних сил, страшная усталость взяла верх, и мои веки начали смыкаться. Мы прошли еще чуть дальше по коридору, свернув направо. Нашей целью являлась большая комната, в которой уже находилось человек двадцать. Царившая в помещении тишина с каждой секундой становилась все более напряженной.

– Вот мы и здесь, в общей комнате. Пациенты, которые ведут себя спокойно, могут остаться тут. Питание два раза в день: утром перед восходом солнца и вечером после заката. Иди, сядь вон там и не вытворяй глупостей, – приказала медсестра и указала мне на одну из скамеек у стены.

– Будь тихой, тогда получишь сегодня вечером хлеб и воду. Начнешь упрямиться – останешься без ужина. Как ты уже поняла, правил немного и запомнить их несложно. Любой идиот в состоянии их усвоить.

Тонкие губы медсестры растянулись в фальшивой улыбке. Дружелюбный кивок дался мне с трудом, потому что каждая дальнейшая попытка оставаться «милой» с этими *людьми*, если их еще можно было так назвать, стоила мне огромных усилий.

Дверь закрылась с громким стуком, щелкнул замок. Я буквально кожей чувствовала взгляды, облепившие меня со всех сторон. Деревянная скамейка, на которую указала медсестра, была жесткой. Я начала ерзать на своем месте, пытаясь сесть поудобнее. Не выдержав, я стала искать глазами

хотя бы маленькую подушечку, но на скамейке не оказалось ничего мягкого. Даже у тех пациентов, которые лежали на кроватях, бездумно уставившись в потолок, были подушка и покрывало. Они также являлись счастливыми обладателями матрасов, набитых соломой.

Я сидела, сложив руки на коленях и опустив взгляд. Услышав приближающиеся шаги, я твердо решила не менять позу и не поднимать глаз. Я старалась дышать реже и глубже, чтобы унять растущую тревогу. Одна, совсем одна в холодной комнате с чужаками, с сумасшедшими чужаками. Ледяной ветер коснулся моей щеки, и я поняла, что она тоже была здесь. Она все так же следовала за мной.

Честно признаться – я тоже была одной из этих сумасшедших.

Шаркающий звук шагов резко оборвался: кто-то безмолвно замер совсем рядом со мной. Однажды я читала о том, что даже одного быстро брошенного взгляда может оказаться достаточно, чтобы рассердить сумасшедшего. Меньше всего мне сейчас хотелось ввязаться в конфликт с душевнобольным, и я усердно принялась рассматривать собственную сорочку. Неосознанно задержав дыхание, я замерла.

– Что же ты такого натворила, раз тебя отправили сюда? – спросил слабый голос, который звучал абсолютно нормально и даже дружелюбно. Я невольно подняла глаза. Передо мной стояла худощавая моложавая женщина с усталым лицом и запавшими глазами. Я с нескрываемым любопытством пере-

вела взгляд на ее полностью обритую голову. Только сейчас я заметила, что все остальные пациенты также были лысыми. Мое сердце быстро забилося, когда я осознала, что для меня вряд ли сделают исключение.

Женщина наклонила голову и посмотрела на меня со смесью любопытства и жалости.

– Дай-ка угадаю: губительные пристрастия? Нет, нет, скорее ты строптивая и упрямая. Игнорируешь советы матери и отказываешься подчиняться мужу?

Она опустилась на скамейку рядом со мной. Женщина тяжело дышала, как после быстрого бега, – столько усилий ей стоил разговор.

Я невольно отстранилась от нее, продолжив озираться по сторонам. Несмотря на то что эта женщина не казалась мне сумасшедшей, я оставалась начеку, ведь так легко могла ошибиться. Мне никогда не удавалось сразу распознать обманщика или лицемера, а бессердечный поступок родителей лишний раз доказал мое полнейшее неумение разбираться в людях. Я, конечно, знала об их неприязни, но никогда бы не поверила в то, что они способны избавиться от меня, как от собаки. Люди в этом месте просто пугали меня, правильно оценить человека, находящегося здесь, казалось невозможным.

Женщина внимательно наблюдала за мной, едва заметно вздрагивая время от времени. Должно быть, я показалась ей надменной. Мое поведение было, мягко говоря, невежли-

вым, и я даже не задумывалась о том, что некоторые из пациентов, так же как я, могли быть жертвами, загнанными в ловушку.

И все же я сумела взять себя в руки, вдохнула побольше воздуха, чтобы ответить на вопрос.

– Я должна была выйти замуж, – тихо пробормотала я, испугавшись своего голоса. Уже два или даже три дня я провела в полном молчании, и сейчас собственный голос показался мне чужим. В глазах блеснули слезы, и я обвила руками колени, нервно покачиваясь. Я была так беспощадно далеко от дома, сидела на деревянной скамье среди сумасшедших. Как же мои родители решились на это? Они точно знали, что говорят об этом месте, они точно знали, как тут обращаются с людьми. Тот, кто однажды попал сюда, больше не возвращался прежним или же не возвращался вообще. Я слышала о некоторых счастливчиках, бывших пациентах этого места. Они как звери жили на улицах и сторонились людей, в конце концов умирая от голода и холода.

Женщина сочувственно кивнула, но больше не предпринимала попыток сесть ко мне поближе.

– Ты не хотела выходить за него?

Я согласно опустила голову не в силах ответить. Пусть верит в то, что я непокорная дочь, восставшая против воли родителей. Все лучше, чем правда. Я смотрела на свои руки, не поднимая глаз. Эта комната от пола до потолка была мне противна. Холодно, жутко холодно, а кроме того, я знала, что

она тоже находится где-то здесь и молча наблюдает за мной. Я бы отдала все на свете, чтобы не видеть ее. Но ведь существование этого существа действительно могло быть моей выдумкой. Игра воображения, глупый страх, она – не человек, а значит, она – ничто. Возможно, другие пациенты подтвердят мою догадку о том, что я просто надумала себе привидение. При этой мысли где-то в моей душе мелькнул проблеск надежды, наполнивший мое пустое тело теплом.

– Я – Мередит, – представилась женщина и протянула мне руку. У нее на губах застыла застенчивая улыбка. Несколько мгновений я колебалась.

– Адриана, – ответила я, пожав ее сухую мозолистую ладонь.

– По какой причине ты здесь? – с живым интересом спросила я, опуская руку обратно на колени. До сих пор чувствуя себя уставшей после всех принятых лекарств, я прислонила голову к холодной стенке.

Мередит горько рассмеялась, и я заметила, что ей не хватало нескольких зубов.

– У моего мужа была любовница. Он хотел жениться на ней и завести детей, но я стояла у него на пути. Поэтому он выдумал мне диагноз. Я не знаю, сколько муж заплатил врачу, чтобы подтвердить наличие у меня психической болезни, но, наверное, этого было вполне достаточно, чтобы успокоить его совесть.

Я с замиранием сердца слушала ее историю не в силах по-

давить возмущение.

– Но ведь это варварство! Он поступил просто отвратительно! – чуть не вскрикнула я, не находя нужных слов. В ужасе я тряхнула головой. Как ее собственный муж мог сотворить нечто, настолько жестокое?

Мерedit плотно сжала губы, ее руки дрожали, и она прилагала немалые усилия, чтобы не стукнуть кулаком по стене.

– Ты должна привыкнуть, Адриана. Этот дом полон несправедливости, кругом люди, которых кто-то когда-то жестоко обидел. Очень немногие здесь действительно душевнобольные. Большинство пациентов далеко не сумасшедшие, – ее голос перешел на шепот, – советую тебе быть осторожной. Всегда подчиняйся медсестрам. Всегда. Они будут бить тебя, бить и унижать. Они будут привязывать тебя веревками к кровати, пичкать медикаментами до тех пор, пока ты не перестанешь различать сон и реальность. Единственный кусочек свободы, который у тебя остался, – это возможность выбрать, на каком углу скамьи сидеть сегодня. Не дай им замучить тебя, закрой глаза на всю несправедливость, с которой ты здесь столкнешься. Ты ничего не сможешь с этим поделать. Никто не может.

После предупреждения Мерedit я вздрогнула всем телом. Хрупкая надежда, за которую я цеплялась прежде, исчезла.

– Просто посмотри на них... – Мерedit наклонилась ближе, – бедные души.

Ее рассеянный взгляд скользил по лицам пациентов, на

которых уже не было и тени надежды. Все они сидели в глубоком молчании.

Я поняла, что она хотела показать мне, только когда заметила тонкие веревки, которыми были опутаны руки и ноги некоторых пациентов. Они не могли даже пошевелиться. Да никто и не пытался. Чем внимательнее я всматривалась в целый ряд измученных лиц, тем страшнее мне становилось от увиденного. Синяки, следы давних, плохо заживших язв, свежие шрамы на щеках, плечах, бедрах. Металлический запах крови ударил по ноздрям. Выбитые зубы, багровые следы ожогов, покрывающие тела вязью узоров.

Внезапно я ощутила резкий приступ паники, сравнимый с ураганом. Он одним невидимым ударом сбил меня с ног и навалился на грудь, не давая свободно дышать. Я, как выброшенная на сушу рыба, широко раскрывала рот, отчаянно пытаюсь втянуть в себя воздух. Из глаз покатались слезы, оставляя мокрые следы на щеках. Мое безумие началось с ночного кошмара и стало стремительно набирать обороты после появления призрака. Я чувствовала, что здесь оно достигнет своего пика. Я не могла свыкнуться с этой мыслью, и бушующий ураган беспощадно разорвал мое сердце на тысячи кусочков, заняв его место. Мне хотелось рыдать, кричать до хрипоты, даже ударить кого-нибудь. Не находя выхода своему гневу, я озлобленно махала руками. В конце концов, схватившись за голову, я крепко зажмурила глаза. Полностью разбитая, я ощущала последствия только что

прошедшего урагана эмоций: голова трещала по швам, растерзанная душа ныла, не находя покоя.

Я почувствовала тепло женских рук на моих щеках. Они мгновенно укротили боль, прогоняя дурные мысли.

– Адриана, учись держать страх и гнев под контролем. Иначе ты их только спровоцируешь. Не дай им повода для наказания.

Пытаясь заглушить панику, я отдалась мысли о том, что побоев можно избежать. Мередит медленно отстранилась, внимательно наблюдая за мной. Она опасалась еще одной моей истерики.

– Тебе лучше? Прости меня. Я не хотела напугать. Мне стоило сначала подумать о своих словах, точнее, о том, как они могут повлиять на новоприбывших.

– Я в порядке, – прошептала я, сосредоточившись на том, чтобы дышать равномерно.

Некоторые пациенты повернули головы в нашу сторону. Их глаза – недоверчивые, холодные, слепые. Один из пациентов, словно вспоминая что-то, уставился невидящим взглядом куда-то перед собой.

Когда высокий мужчина встал со стула и направился в нашу сторону, я поняла, что не только Мередит было разрешено свободно передвигаться. Его глубоко впавшие глаза сверкали из-под густых черных бровей. Я долго смотрела на усталое, землистого цвета мужское лицо, отметив про себя, что когда-то этот обладатель резко выдающихся скул и мас-

сивного подбородка наверняка был настоящим красавцем. Неестественно худощавый, как и все пациенты, он производил впечатление мужчины без возраста.

Я с грустью заметила, что здесь, наверное, дают ровно столько еды, сколько нужно для вялого поддержания жизни в измученном теле.

– Новенькая, да? – грубо спросил он. – Мое имя Даррен.

– Очень приятно, – робко ответила я. Сама не знаю почему, но он немного пугал меня. Причина точно крылась не во внешности: его лицо было даже приятным, а одежда состояла из тех же лохмотьев, что и наша. В глазах Даррена я видела что-то, отличающее его от других: мятежность, непокорность, готовность к сопротивлению. Такова была и аура, окружающая его. Мои догадки подтверждали многочисленные белые шрамы на его руках и цепочка кровавых капель на рубашке.

Гордый и несломленный дух.

Я также заметила, что он прихрамывал. Видимо, кости плохо срослись после перелома, сказалось постоянное недоедание.

Даррен пододвинул к себе свободный стул и вальяжно уселся на него, перекинув ногу на ногу. Действительно, правая ступня мужчины выглядела неестественно. Постепенно я начинала понимать, какое множество зверских физических пыток здесь применялось. Мир вокруг меня вдруг начал терять очертания, в глазах потемнело. Я словно в полу-

сне балансировала на грани обморока. Пришлось схватиться за скамью, чтобы не упасть. Уж медсестры точно не похвалят меня за припадок.

– Склони голову между коленей, Адриана. Так ты не упадешь в обморок, – обеспокоенно приказала Мередит. С ее помощью мне удалось принять более удобную позу и опустить голову. Через пару минут пятна перестали мелькать перед глазами, в голове немного прояснилось.

– Это выглядит просто ужасно, – промямлила я, указывая на ногу Даррена. – Это... это нужно вылечить, иначе ты больше никогда не сможешь нормально ходить.

Даррен лишь безразлично дернул плечом.

– У тебя бледная кожа и мягкие руки. Думаю, твои родители богатые люди. Может быть, вокруг тебя даже всегда хлопотал личный врач. Не жди здесь такой щедрости. Врач не появится, даже если ты будешь лежать при смерти.

По траурному выражению лица Мередит я поняла, что она была полностью согласна с Дарреном. В отличие от него она, казалось, смирилась с тем, что иного пути у нее нет. Но я не могла свыкнуться с этой мыслью. Я всю жизнь боролась с судьбой, чаще всего безуспешно. Она одерживала одну победу за другой, однажды приведя меня в это жуткое место. Я все еще решительно не могла понять, как собственные родители могли так поступить со мной. Разве я не пыталась делать для них все возможное и невозможное? Разве я не была покорной дочерью? Я знаю, что неудачи преследовали

меня во многом. И если быть до конца честной, я никогда не соответствовала ожиданиям родителей. Но все же я была их дочерью! Я даже в кошмаре не могла себе представить, что они способны избавиться от меня, как от ненужной вещи. Интересно, им хоть немного стыдно? Что они сказали Нейтану, родственникам, друзьям, деловым партнерам обо мне? Объявили меня трагически погибшей? Устроили грандиозные похороны и сейчас оплакивают меня в нашем семейном склепе? Кричат о своей невыносимой скорби у надгробной плиты? Принимают соболезнования, утирая лицемерные слезы?

Пожалуй, они вели себя именно так. Престиж, блестящая репутация – вот что всегда стояло для них на первом месте. Я никогда не вписывалась в рамки их желаний, поэтому они решили избавиться от меня прежде, чем я стала угрозой для их «доброго имени». Так же как они поступили с Бэт, кухаркой, которую обрюхатил мой отец. В один день она внезапно исчезла, и никто больше не слышал о ней.

Странно, что я сейчас думала о Бэт, и все же я всем сердцем надеялась, что ей повезло больше, чем мне. Она наверняка работает где-то в безопасном месте, воспитывает ребенка.

Вынырнув из раздумий, я поежилась от холода. Она подошла ближе, села у моих ног. Я старалась не смотреть вниз, направив взгляд на Мередит и Даррена, которые, так же как и я, нервно потирали руки от холода. Могли ли они чувство-

вать ее присутствие? Уголкем глаза я заметила, как призрачная женщина злорадно рассмеялась.

Я старалась зацепить пальцами болтающуюся серую нитку, чтобы отвлечься от мыслей о призрачной гостье. Вытянув нить из рубашки, я положила ее рядом.

– Что вы делаете целыми днями? – наконец спросила я, не в силах выдержать повисшее молчание. – Я о том, что здесь так тихо. Никто, кроме нас, не разговаривает. И тут очень... – подходящее слово для описания ситуации не находилось, хотелось сказать банальное *скучно*, но что-то сдерживало меня, – тоскливо, – смущаясь, я закончила предложение и продолжила накручивать серую нитку на палец.

Даррен непроизвольно издал стон и погладил лысый череп кончиками пальцев. Мне захотелось свернуться клубочком и закрыть голову руками. В этот момент я была готова до последнего вздоха бороться с каждым, кто осмелится подойти ко мне, держа в руках ножницы.

– Это все только малая часть издевательств, Адриана. Тишина, пустота, серость – это всем действует на нервы. Некоторые начинают разговаривать сами с собой. Они по-другому больше уже и не могут, а их за это еще и наказывают каждый раз.

Мередит согласно кивнула и наклонилась чуть ближе ко мне.

– Мы целый день заперты здесь. Только ночью перед сном нам разрешено вернуться в свои комнаты, в которых нет ни-

чего, кроме кроватей. На самом деле ты будешь счастливницей, если отправишься ночевать в свою кровать. Это значит, тобой довольны. Если же вместо привычной комнаты тебя поведут в карцер... – Женщина нервно вздрогнула всем телом и, не окончив мысль, отстранилась.

Я осторожно обняла Мередит за плечи.

– Простите, вопрос был лишним, – пробормотала я. – Представить себе не могла, что все так ужасно. Конечно, слухи о подобных местах ходили самые разные, но такое... Такое просто невозможно было даже вообразить. Неужели у работников этого места не осталось ни капли совести?

Я бросила на Даррена растерянный взгляд, ищущий поддержки.

– Совесть? – повторил он, саркастично хмыкнув. – Что это такое – совесть?

– Внутренний голос, который подсказывает нам верное решение, направляет на истинный путь. Он помогает нам отделить черное от белого, хорошее от плохого, – тихо ответила я, хоть и прекрасно понимала, что вопрос Даррена был риторическим.

– *Голоса* тут не особо-то любят, как ты могла заметить, – гневно проворчал он. – Лучше не высказывай *здесь* такие мысли.

Я послушно кивнула. Что еще мне оставалось кроме как прислушаться к их советам? Чувства кипели и клокотали где-то внутри меня, я должна была найти лазейку, должна

была сбежать. Однако разум подсказывал, что, если бы выход существовал, такой, как Даррен, давно обнаружил бы его.

Я подтянула ноги к груди и беспокойно поерзала на скамье. После заката в комнате стало совсем холодно, я мерзла.

Мередит и Даррен снова замолчали, оставив меня наедине с мыслями о побеге.

Любой шаг казался неправильным, а кричать о помощи было бессмысленно.

Девять кругов ада

Первые дни в лечебнице прошли относительно спокойно. С ранних лет привыкшая подчиняться и угождать, я легко втиснулась в рамки местных стандартов. Стараясь превратиться в невидимку, я послушно выполняла любые указы. Во мне жила надежда на спасение, на то, что Нейтан обязательно найдет способ вытащить меня отсюда. Но интуиция подсказывала, что он просто не догадывался, где я. Откуда ему было знать? Родители, безусловно, придумали правдоподобное оправдание моей внезапной смерти. Ужасная болезнь, так рано забравшая у них любимую дочь. И все же я не могла похоронить надежду. Я верила – Нейтан чувствовал, что я жива. Возможно, один из слуг открыл ему тайну моего исчезновения. Тогда я еще не знала, что цепляться за подобные мысли было глупостью.

Мы молчаливо сидели на привычном месте. Я отвернулась от Мередит, чтобы она не заметила моих слез сожаления, гнева и отчаяния. Настоящая жизнь только-только начиналась. Любовь, надежды на будущее, такое долгожданное счастье! Как я могла потерять все это в один момент? Вероятно, каждый рано или поздно испытывает на себе удары судьбы, которые приходят словно гром среди ясного неба.

Я бы все отдала за то, чтобы провести вместе с Нейтаном

еще несколько недель, хотя бы несколько минут. Я день за днем мучительно подавляла в себе несбыточное желание еще хоть раз услышать слова о любви. Но, как известно, сказка всегда обрывается на самом волшебном моменте. Что дальше?

В бессильной злости я сжала кулаки, уже сейчас наверняка зная, что рано или поздно действительно сойду с ума от собственных мыслей. Мыслей об упущенных возможностях. Я каждый день буду страдать, скучая по его голосу, который я никогда больше не услышу, тоскуя по его глазам, которые никогда не увижу.

В первые дни я мало говорила, старалась держаться подальше ото всех и робко опускала глаза, когда очередного пациента насильно выводили из общей комнаты, чтобы напичкать таблетками. Многие возвращались после «лечения» буквально полумертвыми, со свежими кровоподтеками на их белых как снег лицах. Я с трудом сдерживала жгучее желание кричать, биться в истерику, молить о пощаде, просить помощи. Даррен много раз пытался убедить меня в необходимости разработки плана, который бы помог нам сбежать отсюда. Мужчина также горел желанием жестоко расправиться с медсестрами, заставить их пережить хотя бы половину того, что каждый день испытывали пациенты. Но Мередит выступала против насилия, отказываясь когда-либо вредить персоналу лечебницы.

Настоящим чудом было то, что медсестры совсем не удо-

стаивали меня своим вниманием в первые дни. Иногда я спрашивала себя, случайное ли это совпадение или же мои родители в последнем акте милосердия позаботились о том, чтобы со мной обращались не так жестоко, как с остальными. Возможно, они выложили круглую сумму, чтобы меня просто оставили в покое. Дни мучительно долго тянулись, превращаясь в недели и месяцы. Надежда на то, что Нейтан окажется моим ангелом-спасителем, совершенно растаяла. В какой-то момент я перестала вспоминать о нем, чтобы не усложнять себе и без того невеселую жизнь.

Каждый день был болезненно похож на предыдущий. Я совершенно запуталась в числах, уже не разбирая ни дня недели, ни календарной даты. Когда я спрашивала об этом медсестру, то получала насмешливый ответ – «хороший день». Однажды я просто сдалась. Так началась моя жизнь вне времени.

Ранним утром я всегда вставала на скамью, выглядывая наружу через решетчатое окно. Яркие лучи утреннего солнца будто смеялись надо мной, скользя по лицу и рукам. Я знаю, что мучила себя сама, то рассматривая рисунки созвездий по ночам, то восхищаясь горизонтом, окрашенным в тревожные красные цвета, и наблюдая за парившими высоко в небе птицами, которые следовали за своим верным другом ветром. Как же сильно я им завидовала! Как же часто я мечтала превратиться в ласточку, протиснуться между прутьями и взмыть высоко в небо!

Этим утром я плакала, стоя на привычном месте в ожидании рассвета. Как прекрасен восход солнца! Он на несколько мгновений превращает серые холмы Хайленда в нечто магическое, особенное. Но солнце не показывалось. Небо заволкло тучами, разлучая меня с единственным другом.

Я полностью отгородила себя от ставших привычными стонов и всхлипов пациентов, также не думая и о ледящем холоде, который пронизывал до костей. Я могла гордиться собой. Мне отлично удавалось игнорировать ее, несмотря на то что она постоянно крутилась рядом, дышала мне прямо в лицо и указывала угол, в котором намеревалась сидеть. Я была почти железно убеждена, что она – плод моего воображения. Я отрицала ее существование так явно, что она, не выдержав, заговорила со мной.

Отчетливо прозвучал ее голос:

– Взгляни на меня наконец!

Ну уж нет, я не хотела ее видеть, оказывать ей такую услугу. Именно она была причиной моего попадания в лечебницу. Она – виновница моих страданий. Уделить ей внимание было все равно что предать родину. Я не хотела иметь с ней ничего общего.

Но она никак не сдавалась. Ее навязчивое присутствие раздражало меня ничуть не меньше, чем серые стены лечебницы. Мне жутко хотелось выплеснуть на нее злость, хотя я и понимала, что она добивалась именно этого. Да и что я могла сделать бестелесному призраку? Неконтролируемая

дрожь пробежала по моему телу. На долю секунды мне показалось, что голос принадлежал кому-то из пациентов. Я отчаянно мотала головой в поисках говорившего, но интуиция вопила о том, что это был именно ее голос. Она шипит как змея. Тут жутко холодно, холоднее, чем посреди снежной бури. Неожиданно для меня самой страх сковал тело, гнев утих так же быстро, как и возник. Показалось, что стены стали сжиматься, готовые сплющить меня. Я оказалась в смертельной ловушке, затуманившей сознание, лишившей меня всех чувств, кроме страха.

– Ты совсем одна, Адриана. Чувствуешь?

Ее смех эхом раскатился по комнате. Я задержалась на скамье, задыхаясь от бессилия. Так все и случилось. Я действительно сошла с ума. Сейчас это стало мне кристально ясно.

Я упала со скамейки, потеряв сознание.

В своих снах я часто оказывалась на краю мрачной бездны. Я срывалась и падала все ниже и ниже, а вокруг была только темнота, поглощающая меня. Полностью растворившись в пасти пропасти, я просыпалась. Этот кошмар был отличной метафорой моей жизни. Без следствия и причины – один лишь бесконечный мрак.

Почувствовав, что задыхаюсь, я проснулась. Нет, не проснулась, меня подняли с пола как тряпичную куклу. Чья-то тяжелая рука лежала на моих губах, затрудняя дыхание. По моему подбородку стекала капля крови. Наверное, падая, я ударилась о край скамейки. Голова кружилась, и я руками

хватала воздух, в отчаянии пытаюсь найти опору. Но она была мне не нужна. Грубая рука так крепко держала меня за плечо, что она казалась мне железной по своей силе.

В ужасе я открыла глаза, встретившись взглядом с нависающим надо мной санитаром.

– Я просто споткнулась, – бормотала я, оглядываясь в поисках помощи. Краем глаза я увидела мертвенно-бледную Мередит. Она плотно сжала губы, пытаюсь сдержать слезы. Рядом с женщиной стоял Даррен. На мгновение их руки соприкоснулись. Этот мелкий жест, который имел целью меня ободрить, наоборот, вселял страх. Я знала, они мне не помогут.

В тот же миг ноги подкосились. Зубы выстукивали дробь, руки тряслись как в лихорадке. Санитар снова подхватил меня, громко ругнувшись.

– Я тебе уже тысячу раз говорил не вставать на скамейку, – прошипел он, до боли сжимая мой локоть.

Отвернувшись, я не могла подобрать слов для ответа. Больше всего хотелось влить ему пощечину, сделать хоть что-то мятежное.

– Мне очень жаль. Этого больше не повторится.

Я с мольбой заглянула в глаза санитару, в то время как вся моя сущность бунтовала. Прекрасно зная эффект, который производил мой извиняющийся взгляд раньше на родителей и учителей, я чуть попятилась назад, отстраняясь. Я чувствовала себя здесь такой же униженной, как когда-то в родном

доме. Нервно вытерев слезы, я последовала за санитаром из общей комнаты в коридор. Я чувствовала, как бешено начинает стучать сердце. До сих пор я не знала, в чем именно заключалось наказание. Только его финальный исход мне был хорошо знаком – многочисленные побои.

Массивная дверь со зловещим скрипом закрылась за мной, щелкнул замок. Привычная ежедневная рутина, никогда не казавшаяся такой притягательной, как сейчас, вмиг превратилась в кошмар. Я чувствовала себя беспомощной перед лицом надвигающейся опасности.

В отчаянной попытке предотвратить грядущие события я вцепилась в белый халат санитаря.

– Умоляю, я больше не повторю своей ошибки, – сбивчиво прошептала я.

Санитар посмотрел на меня долгим уничтожающим взглядом, а затем замахнулся, намереваясь ударить. Я невольно зажмурилась. Он грубо дернул меня за руку и потащил куда-то вглубь комнаты. Из темноты вынырнула еще одна дверь поменьше. Оказавшись в белой комнате с голыми стенами, которая была как две капли воды похожа на предыдущую, я испуганно огляделась. Все же здесь была одна деталь, отличающая это помещение от других, – одинокий стул, стоявший посередине.

Мне хотелось узнать, что все это значит, для чего он стоит здесь. Сейчас этот бытовой предмет вызывал у меня неконтролируемый страх. Санитар одним резким движением по-

садил меня на стул, обвязав ремни вокруг запястий. Кисти моментально отозвались тупой ноющей болью. В приступе паники я застучала ногами так отчаянно, что стул пошатнулся. Побоявшись упасть, я продолжила сидеть тихо. Санитар с гадкой усмешкой подошел чуть ближе. Опустившись на колени, он обвязал ремнями мои ноги. Теперь я могла только вертеть головой.

Никогда еще в своей жизни я не чувствовала себя настолько беспомощной.

Стул начал вращаться, и легкий ветерок коснулся моей щеки. На долю секунду мне даже захотелось, чтобы она была рядом. Перед глазами поплыло и даже слегка потемнело – предметы смазались, и мне казалось, что даже пол превратился во что-то вязкое и бесформенное. Вращение ускорилось, заставляя меня трястись и задыхаться в слезах.

Лицо санитаря, проплывающее мимо, с каждым кругом становилось уродливее.

Когда подступила тошнота, мне захотелось податься вперед и сжаться в клубок. Однако оковы на моих запястьях крепко удерживали тело, не оставляя возможности наклониться. Послышался смех. Мои жалкие попытки освободиться развеселили санитаря. Началась жестокая рвота с кровью и кашлем. Я слезно просила моего мучителя прекратить, издавая нечленораздельные звуки. Язык не слушался, зубы стучали лихорадочной дрожью. Но мир все быстрее и быстрее вращался вокруг. Давление в голове и горле стано-

вилось невыносимым, словно я тонула или задыхалась. Пу-
гающая чернота в глазах.

Прежде чем вращение прекратилось и мое тело словно ку-
кольное безвольно упало в руки санитаря, я почувствовала,
как из ушей, рта и носа потекла теплая красная жидкость.

Кровь. Ужасающе яркий цвет, просачивающийся сквозь
темноту обморока.

В такие моменты, как сегодня, когда в душе не оставалось
ничего, кроме страха, я вспоминала лицо Нейтана, цепляясь
за его светлый образ. Это было последнее, что я ясно видела,
прежде чем провалиться в черноту бессознательного, захле-
бываясь собственной кровью.

Кошмары продолжаютcя

– Теперь веришь мне, что ты совсем одна?

Ее резкий голос как ножом разрезал безмолвное пространство. Сознание возвращалось тяжелыми болезненными толчками. С новым ужасом я постепенно начинала осознавать реальность. Я боялась открыть глаза. Внутри головы гудело настолько сильно, что даже чернота вокруг плясала. В висках пульсировала боль, я по-прежнему дышала с трудом, казалось, будто на груди у меня кто-то сидит.

Перед глазами стояла пелена, и звуки доносились откуда-то издалека, смысл произносимого вовсе ускользал. Я продолжила лежать без движения на холодном полу, не имея ни малейшего желания подняться.

Прохладный ветер коснулся моей кожи – и по телу пробежали мурашки. Мне захотелось навечно остаться здесь, лежать, медленно растворяясь в воздухе.

– Посмотри сюда!

Приказ прозвучал угрожающе. Он заставил вздрогнуть и вырвал из мыслей. Мне ничего не оставалось, как подчиниться. Совсем рядом она сидела на корточках, обхватив руками плечи, и оглядывалась. В застывших искаженных чертах, лишь отдаленно похожих на человеческие, читался испуг. Возможно, я ошибалась, но она выглядела взволнован-

ной. Мои глаза болели от света лампы, и я зажмурилась, обдумывая увиденное. Неужели она действительно выражала эмоции? На этом странности не заканчивались. Ее волосы были аккуратно уложены в довольно сложную прическу, а одежда отличалась завидной чистотой.

Способны ли призраки менять свой внешний вид? Я могла бы рассуждать на этот вопрос часами, лишь бы не возвращаться обратно в реальность, полную боли и пыток, реальность, в которой точно нет призраков, чтобы поболтать и отвлечься. *Призраков не существует.*

Злые голоса шептались совсем рядом. Из разговоров я поняла, что санитар, мой мучитель, совсем скоро вернется. Стул. Ремни. Рвота. При одном лишь взгляде на орудие пытки мой разум начал превращать комнату в кашу. В который раз захотелось набрать в легкие побольше воздуха и кричать до хрипоты.

– Соберись! Они идут.

Ее голос будто пробудил меня от жуткого сна, и я, собравшись, приложила тонну усилий, чтобы успокоиться и сконцентрировать мысли.

– Почему меня вообще оставили лежать здесь, на полу? Могли бы уж сразу зарыть в одну из тех могильных ям около лечебницы, – прошептала я, осторожно разминая мышцы. Тело ломило, но особенно болела шея – голову не повернешь. Слабость. Я чувствовала, как дрожу. Головная боль не утихала, но в остальном я, кажется, была в порядке. Никаких

переломов. Слава богу.

– Не говори со мной, – прошипела она, заставив меня невольно вздрогнуть.

В моей голове крутилась одна и та же мысль – все потеряно. *Сейчас я наконец отвечу ей.* Как-никак мое определение того, что опасно, а что нет, круто изменилось. Я все еще боялась ее, все во мне сжималось под ее взглядом, но еще больше я боялась провести всю жизнь в этих серых стенах боли.

Тяжелая дверь медленно открылась, и я вжалась в угол, напрягая каждый мускул. Готовая к побегу, я невольно задержала дыхание. Выражения лиц вошедших медсестер были настолько скучающими, что внутренне я поежилась. Сострадание? Они потеряли его, как только переступили порог лечебницы. Совесть? Они каждый раз игнорировали свой внутренний голос, который вторил в унисон крикам пациентов.

Я хотела ответить тени, но она перебила.

– Не говори со мной, – повторила она, – не говори, пока они могут это услышать.

Когда медсестра потянула меня за руку, поставив на колени, я осознала, насколько слабой была. Орудие пыток снова предстало перед глазами. Я напрягла мышцы, пытаясь сопротивляться сильным рукам, которые держали меня за плечи.

– Успокойся, – прошептала она мне на ухо. Ее глаза дико сверкнули, пробегая по лицам медсестер. – Или ты хочешь,

чтобы тебя замучили до смерти?

Я сразу расслабила мышцы. Мысль о том, что пытки могут возобновиться, оглушила меня. Я выдохнула, когда поняла, что медсестры ведут меня обратно в групповую комнату. Как только за ними закрылась дверь, я тяжело опустилась на скамью, чувствуя себя постаревшей лет на десять. Все зло этого мира, которое никогда не переступало порог моего дома, настолько ощутимо висело в воздухе этой лечебницы, что отравиться им было проще простого. Более того – легко было им стать.

С того дня я больше не могла назвать себя молодой. Ключ к моей прошлой жизни лежал забытый, где-то на дне моря, где-то, где я никогда не смогла бы его найти. Я понимала одно – для того чтобы выдержать грядущие испытания будущего, нужно отказаться от прошлого, иначе я умру от тоски.

Я шагнула навстречу Мередит, которая стояла с широко раскрытыми руками и бормотала извинения. Обняв ее, я снова безжизненно опустилась на скамью. Каждое движение давалось мне с трудом. Я отвернулась к стене. Притянув колени к груди, я обхватила их руками и опустила на них голову. Тогда я ожидала, что хуже быть уже просто не может. Я ошибалась.

Не прошло и пятнадцати минут, как медсестры вернулись с веревками. Господи, как сильно я этого боялась. С тех пор свобода кончилась.

Пытаясь выгнать из головы мысли о побеге, я повернула

голову настолько, насколько мне это позволяли узлы. Предстояло придумать, чем занять себя в перерывах между сном и едой. Коварная смесь постоянного страха, физического и морального насилия сломала меня, сделала нервной. Я жутко беспокоилась об исчезновении Даррена и Мередит, которых увели практически сразу после моего возвращения. Я всеми силами пыталась получить информацию о них от санитаров, но моя забота лишь подталкивала медсестер к тому, чтобы шептать мне на ухо злые вещи – вещи, которые все были связаны с теми страшными болезнями, которые бог послал им, чтобы наказать за грехи.

Раньше я твердо верила в Божью доброту и была убеждена, что души людей, переживших неописуемую беду на земле, обязательно попадут в рай. Несмотря на все мои усилия, я так и не узнала, что случилось с Мередит и Дарреном. Они бесследно исчезли, были стерты из книги жизни, забыты историей, будто их никогда и не существовало. Таков был удел всех пациентов: они были похоронены заживо, как только попали сюда. Их дальнейший путь был ясен, судьба решена. Всем за этими стенами было все равно, что с ними стало.

Оглядываясь назад, я задаю себе один и тот же вопрос: как я пережила эти долгие месяцы молчания, не впадая в безумие? Дни, проведенные в лечебнице, складываются в моей голове в серую картинку, четкую и размытую одновременно. Я жила в бездне, которая разрасталась с каждой минутой, крепло желание сдаться, прекратить борьбу и плыть по

течению. Но, возможно, борьба с безумием была единственной вещью, которая позволяла мне оставаться в здравом уме. Часами я вспоминала выученные когда-то стихи и рассказы, переводила их на языки, которые знала. Я цеплялась за любую крохотную возможность сохранить ясность мысли. Но в этих серых стенах мой дух слабел с каждым днем, и я уже не могла вспомнить некоторых стихов. Строки лишь одной книги, которую я знала наизусть, никогда не слетали с моих губ: строки Библии. Как я могла, испытав *все это*, верить?

– Адриана.

Я лениво потеряла сонные глаза, не испытывая ни малейшего желания их открывать. она по-хозяйски сидела на моей кровати, с отвращением разглядывая мою потную рубашку, на которой красовались пятна овсянки.

– Чего тебе? – пробормотала я. Никто даже не смотрел в мою сторону. В том, что пациенты разговаривали сами с собой, не было ничего необычного. Женщина под села чуть ближе. Каждое ее движение казалось мне невероятно плавным. Легким и бесшовным, будто она плыла по воздуху, касаясь земли.

– Ты не устала? – прошипела она чуть нежнее обычного и легла совсем рядом.

– Устала? – повторила я с нервной улыбкой. – Поверь, сплю я достаточно.

Она отстранилась и неодобрительно фыркнула. Ее горящие черные глаза сузились. Несмотря на то что отношения,

установившиеся между нами, отдаленно напомнили злую дружбу, ее озверелый взгляд не переставал мучить меня в кошмарах.

– Ты устала, Адриана. Устала и сломлена. Внутри только пустота. Твой саркастический ответ – защитная стена, чтобы спрятать истинные чувства. Но я слышу их запах. Они воняют. Твое горе соленое, как морская вода. Какой прекрасный подарок для меня! Эта лечебница просто чудесное место, чтобы насытиться страданиями. Боль и страх самые вкусные. – Она сделала глубокий вдох, и странное выражение блаженства застыло на ее лице. Она явно наслаждалась ситуацией.

– Чувствую себя великолепно, – отчеканила я и, резко отвернувшись, начала вести наблюдение за толстой черной мухой, которая беспечно потирала лапки. Попалась ли она в ловушку или знала лазейку, чтобы улететь прочь из этой лечебницы?

– Великолепно, – передразнила она меня, обходя кровать в попытке снова заглянуть мне в глаза. – Представь себе, вкус счастья мне также знаком. Вкус любви. Вкус удовольствия, – шептала она, подбираясь все ближе и ближе. Она почти вплотную прижалась к моему лицу. В ту же секунду мрачная аура окутала мое тело, обездвижив его. Я почувствовала сладкий запах, сравнимый с тем, как пахнут только что испеченные булочки с корицей. – А ты, Адриана, воняешь потом, кровью и слезами.

Я изо всех сил старалась сохранить лицо и сделала усилие над собой, чтобы не выдать эмоций, переполнявших меня.

— Как мило, — едко ответила я.

— Я могла бы помочь тебе, — спокойно продолжила она, не обращая внимания на мои слова. — Я знаю, как тебе освободиться из лечебницы. Способ сбежать отсюда. Навсегда.

Против воли во мне разгорался интерес. Нет, не интерес, надежда. Я поерзала, не желая показывать ей, как сильно мне хотелось, чтобы она продолжила говорить. План, у нее был план, который спасет меня.

— Ну? Что за способ? — надала я.

Она рассмеялась мне в лицо, играя бровями.

— Что ты готова отдать, Адриана? Всегда нужна жертва, понимаешь? Крошечная жертва, которая не сравнится с безграничной свободой, к которой ты стремишься. Ты же хочешь быть свободной, не так ли? Снова стоять посреди оживленной городской площади, наслаждаться теплом солнечных лучей, вдыхать свежий аромат цветов и трав...

Ее красочные описания заставили мое сердце биться как сумасшедшее. Я слушала ее, представляя в своей голове одну картинку за другой. Я почти могла слышать ароматный запах цветов на поляне. *Почти*. И это *почти* жутко беспокоило старую рану, которая никак не могла затянуться.

За последние несколько месяцев я кое-что усвоила. Нельзя никому доверять, даже себе. Прежде всего необходимо помнить, что каждое действие имеет последствия. Прежде я

совсем не задумывалась о таких вещах, но что бы я ни делала здесь – это всегда имело определенные последствия.

Я опустила голову, кусая губы. Ее слова разрывали меня на части. Подвох. Подвох есть всегда. Всегда. Всегда. Всегда. Если даже люди не могли быть настолько самоотверженными, чтобы послужить чужим интересам, так почему же сверхъестественное существо с такой злобной аурой должно служить им? Я никак не могла разобраться в веренице собственных мыслей, поэтому я нерешительно взглянула на женщину.

– Что за способ? – повторила я. – И что за жертва?

– Тсс, помедленнее. Если ты хочешь быть свободной, то должна поклясться, что отдашь мне то, что я потребую. Только когда ты поклянешься, я смогу освободить тебя, – прошипела она. Ее дьявольский взгляд горел темным огнем. Я отвернулась, чтобы не видеть эти жуткие глаза, и опустила голову. Она меня шантажировала.

– Ты не должна поворачиваться ко мне спиной, – она понизила голос до заговорщического шепота и наклонилась ко мне, обвивая пальцами мою руку. Она впервые с силой сжала мою кисть и притянула к себе, не отпуская. В этот момент я испытала настоящий шок – смесь боли, холода, невероятного отчаяния. Я попыталась вырваться, но она только сильнее сжала ладонь, уже протягивая другую руку к моим волосам. Меня не покидало ощущение того, что ее ледяная аура захватывает мое тело. Я уже перестала чувствовать свою об-

леденевшую кисть, как вдруг женщина резко отпустила ее и отпрыгнула, будто это я обжигала ее льдом, а не наоборот. На мгновение ее призрачное лицо исказила гримаса боли. Но, возможно, мне только показалось? Взглянув на женщину еще раз, я ничего не нашла в ее лице. Никаких эмоций.

– Подумай хорошенько, Адриана. У нас еще много времени.

Я сжала губы, невольно вспоминая пытки, через которые я прошла.

– Я подумаю, – сухо ответила я.

Однако меня не покидало ощущение, что выбор, с которым я столкнулась, был не лучше выбора между холерой и чумой.

Борьба за свободу

– Просыпайся, девчонка!

Чья-то грубая рука трясла меня за плечо. Я вздрогнула от неожиданности и резко вскочила. Справиться с часто бьющимся сердцем оказалось непросто. Широко открытыми глазами я посмотрела на санитаря, который в одной руке держал кружку и ложку, а другой сжимал мое плечо, прогоняя остатки сна.

– На, ешь. Быстро! – сказал он и впихнул мне в руки чашку с кашей. В животе урчало от голода, ведь со вчерашнего утра я ничего не ела. Несмотря на то что содержимое на дне кружки отвратительно пахло и еще отвратительнее было на вкус, я как безумная съела все до последней крошки и точно могла бы съесть еще. Уже не в первый раз я довольствовалась малым. Мучители, то есть санитары, всегда приносили небольшое количество еды, чтобы посмеяться над нашими исхудавшими лицами. После завтрака нас чаще всего ждал голодный день. К этому моменту мне уже стало ясно, что страдания от жажды и голода были еще одним средством держать в узде даже самых мятежных пациентов.

– Вкусно?

Я проигнорировала колкий вопрос санитаря, медленно опустив ложку. Глядя на дно чашки, я тяжело вздохнула.

Жадно разглядывая меня, он взял посуду, задержав пальцы на моих ладонях чуть дольше обычного.

– Есть кое-что повкуснее, – ответил он, пошло улыбнувшись. Мне стало настолько неприятно, что я невольно скривила губы, когда он еще раз оглядел меня сверху вниз.

– Сомневаюсь, – ответила я с плохо скрываемым отвращением, – здесь не только еда имеет отвратительное послевкусие.

Санитар прищурился и наклонился ко мне. Резкий запах ударил мне в нос. Пиво. Лук. Санитар, продолжая нависать надо мной, облизнул губы. Я еле сдерживала себя, чтобы со всей силы не ударить его по лицу. В голове пронеслась мысль о том, что, как правило, такие дерзкие слова были наказуемы. Под страхом пытки я уже начинала сожалеть о сказанном.

– Осторожнее, – предупредил он меня, – ты потеряешь остатки вкуса, если я отрежу твой наглый язык.

Позади меня прозвучал злобный смех. Она.

– Знаешь, о чем он только что подумал? В своих грязных мыслях он снимает с тебя рубашку. Он представляет себе, какая ты без нее. Красотка. Так он думает. Все его фантазии крутятся вокруг того, что он мог бы сделать с тобой, окажись вы наедине.

Я изо всех сил сжала руки в кулаки и резко тряхнула головой. Я хотела сказать ей, что она ошибается. За многие месяцы, проведенные здесь, я видела достаточно, столкнулась

с различными пытками, но единственное, что никогда нам здесь не угрожало, – бесчестие. Неужели он действительно мог надругаться надо мной?

– Ты только посмотри, Адриана. Посмотри на него! Посмотри, как блестят его глаза. Жадно. Они жаждут этого. Ты – дичь, на которую разрешена охота, дорогая. Если он решится на то, что задумал, никто ему ничего не сделает, не так ли? Никому и в голову не придет тебя защищать. И никто его, конечно, не накажет.

Как будто подтверждая слова призрака, он начал гладить меня по волосам.

– Почему тебе раньше не отрезали язык, м? – промурлыкал он, не дожидаясь ответа. – Милые локоны. Такие длинные и ярко-рыжие. Тебе к лицу. Они отражают твой характер, правда? – он усмехнулся. – Думаю, что сегодня вечером я разгляжу их получше. Конечно же, для того, чтобы решить, побреем мы тебя налысо или нет. Хотя это было бы несправедливо по отношению к остальным, как считаешь? Мы вдвоем должны подумать, заслуживаешь ли ты особого отношения.

Его грязные пальцы скользнули по щеке, спустились ниже, повторяя контуры моих губ. Я подалась назад, глядя на него со смесью отвращения и ужаса. Он снова усмехнулся.

– Теперь я понимаю, почему ты здесь. Ты – непокорная девка. Не волнуйся. Мы избавимся от твоего бунтарского духа. Об этом я позабочусь лично. Не хотелось бы получить

жалобу о том, что мы не заботимся о пациентах.

Санитар поднялся и недвусмысленно подмигнул мне. Больше всего в этот момент мне хотелось схватить деревянную посуду и с размаху ударить его кружкой по затылку.

– О нет, – застонала я, как только за санитаром закрылась дверь. Поворачиваясь к моей призрачной спутнице, я громко спросила с отчаянием в голосе:

– И что мне теперь делать?

– Я более чем уверена – ты знаешь, что делать, – соблазнительно протянула она.

Я затрясла головой:

– Как я могу тебе доверять? Я даже не понимаю, кто ты, что ты. Я о тебе абсолютно ничего не знаю. И при этом ты просишь у меня поклясться отдать что-то в обмен на твою поддержку. Но ведь я даже не знаю, что я должна отдать. Что бы ты делала на моем месте? Кивала и молча соглашалась?

– Я бы кивала и радостно молча соглашалась, благодарила бы небеса за то, что мне кто-то хочет помочь.

– Мы с тобой по-разному понимаем «помощь».

Я обессиленно упала на кровать, вперив взгляд в потолок. Опять этот серый потолок. Я наизусть знала расположение трещин на нем, так что с закрытыми глазами могла бы указать, где находится та или другая.

– Амелия.

Мне показалось, что имя прозвучало где-то далеко в моих мыслях, а не в метре от кровати в реальности.

– Что, прости? – переспросила я.

– Так меня зовут. Я дочь тумана. Существо завесы. Я путешествоую между мирами.

– Путешествуешь где? – я нахмурилась. Уже одно наличие имени у призрака показалось мне необычным. Еще и такого благородного. Ей бы больше подошло Мучительница или Преследовательница.

– И что все это значит? – мне хотелось получить ответы.

– Это значит то, что и должно означать.

Я решительно покачала головой:

– Ты должна разъяснить мне свои слова, если хочешь, чтобы я тебе доверяла.

– Можно подумать, что это я ищу отсюда выход! – съязвила она.

– Расскажи мне, кто ты. Кто ты на самом деле? И я, возможно, подумаю о том, чтобы принять твою помощь. Какой бы она ни была.

Это было единственное предложение, которое я могла сделать. Если бы она отказалась, мне не осталось бы ничего другого, кроме как медленно умирать в этой лечебнице. Она поерзала на стуле, серьезно обдумывая мои слова.

– Поставь себя на мое место, – добавила я, – просто представь себе, что ты – обычная девушка, живущая самой обычной жизнью. И вдруг появляется призрак из другого мира, которого никто, кроме тебя, видеть не может. Как бы ты отреагировала? Я думаю, ты бы тоже была напугана, более то-

го, ты бы также не спешила довериться ему. Верно?

Амелия наконец села спокойно, сощутив глаза.

– Никак не могу себе такое представить. Я уже давно не знаю, каково это *что-то чувствовать*. Я это забыла. Это больше не важно. Люди – больше не важны.

Я нахмурила лоб:

– Что ты хочешь этим сказать? Ты тоже когда-то была человеком?

Она снова начала ерзать, бросив на меня мрачный взгляд.

– Конечно, я им была, глупышка. Мы все были людьми, пока мир тумана не призвал нас.

Мир тумана. Ну, конечно.

– Расскажи мне все, – потребовала я, твердо глядя ей в глаза.

Амелия сверкнула глазами.

– *Все* – это слишком громкое слово, Адриана. Ты хочешь услышать что-то, но я не уверена, что ты к этому готова. Ты должна быть открыта.

Она обошла кровать и легла совсем рядом. Удивительно, но кровать под ее весом не просела даже на сантиметр.

– Открыта для сверхъестественного, – добавила она шепотом.

– Я открыта. Тебя не достаточно убеждает тот факт, что я с тобой общаюсь?

Она засмеялась, но это скорее тревожило, чем успокаивало. Даже с течением времени ее хищная улыбка не переста-

вала вызывать внутреннее беспокойство.

— Это доказывает, насколько ты в отчаянии, — сказала она торжествующе.

Я не позволила ей отвлечься от темы и снова спросила:

— Так что?

После этих слов я сложила руки на груди и постаралась придать своему выражению лица побольше уверенности.

— Так что ты хочешь знать?

— Ты можешь начать с рассказа о себе. Каким ты была человеком? И, собственно, почему теперь ты призрак?

Где-то в глубине ее черных глаз блеснули веселые искорки. Она будто заметила их и моргнула. В следующую секунду ее лицо снова стало строгим.

— Много лет назад я была весталкой, жрицей богини Весты, поддерживающей в ее храме священный огонь, — сказала она настолько неожиданно, что в первое мгновение я смутилась, а в следующее уже рассмеялась.

— А я была Клеопатрой, — пошутила я, но она, даже не удостоив меня взглядом, продолжила говорить:

— Я родилась в Римской империи, когда та переживала далеко не лучшие свои времена. Мне минуло семь, и я была возведена в высокоуважаемое звание девственницы-весталки первосвященником Максимумом. Ты должна понять, что времена тогда были совсем другие, кардинально отличались от сегодняшних дней. Люди различных культур верили в разных богов, поклоняясь им. Быть в услужении бога или боги-

ни – великая честь. Призвание. Мы положили на алтарь нашу жизнь, в любой момент готовые ее отдать. Я была жрицей в храме Весты и обладала всевозможными правами, которыми только могла обладать женщина в то время. Я была очень горда и полна амбиций, готовая старательно учиться следующие десять лет. И я училась. Мои учительницы восхищались мной, и когда обучение закончилось, я получила независимость. О таком другие женщины могли только мечтать.

Я внимательно вслушивалась в слова Амелии, размышляя о ее судьбе. Она рассказала мне, что многое с тех пор изменилось. История развивалась стремительно. Амелия сама была частью истории. Однако некоторые вещи – по большей части негативные – не меняются никогда.

– Весталка должна быть девственной. Таково было условие жизни в достатке и свободе. Условие, которое я приняла, потому что оно не казалось мне большой жертвой на пути к благам, которые открывает для тебя высокое звание. Если же весталка лишалась невинности, ее не просто изгоняли из храма, чистоту которого она запятнала. Весталку жестоко наказывали. Хоронили заживо. В сто тринадцатом году до нашей эры римляне потерпели тяжелое поражение в борьбе с Фракией. Империя потеряла много отличных солдат. Конечно же, искали виноватых. Сенат должен был успокоить народ, а также разгневанных богов. Меня оклеветали тогда, обвинили в связи с мужчиной, известным политиком, – она с отвращением поморщилась. – Как будто я могла бы риск-

нуть всем ради мужчины. Ну уж нет. Но мои протесты остались не услышанными. Для весталок даже не устраивали суда, абсолютно никакой возможности защитить себя от нападок. Если ты бросил вызов правилам, установленным свыше богами, шансов заслужить прощение практически не было.

Я непроизвольно сглотнула, пытаясь смочить сухое горло. Я не пила уже довольно долго.

– Какой ужас, – пробормотала я.

– Они привели меня в подземелье, в котором стояла кровать. Там также были одеяла, лампы, даже вода и еда. Я отчетливо помню хлеб и молоко. Они оставили все это, чтобы продлить муки, ведь в конечном итоге меня все равно ждала смерть. Меня оставили одну и завалили вход землей.

Ее безумные глаза светились в темноте. В том, что она горела жаждой мести, не было ничего удивительного, и все же я невольно отпрянула от нее.

– Я безумно боялась и умоляла богиню Весту помочь мне. Я просила ее защитить меня. Я даже не притронулась к еде, все до последней крошки пожертвовав богине. Но Веста как будто не слышала мои мольбы. Она не явилась, чтобы вызвать меня из заточения. Слезы обиды душили горло. После того как я посвятила ей свою жизнь, безоговорочно следовала установленным ею правилам, она даже и пальцем не пошевелила, чтобы выручить меня из беды. Она бросила меня на произвол судьбы – меня, ее самого преданного слугу, – говорила Амелия, то возвышая речь до крика, то понижая

до шепота. – Но меня услышал кое-кто другой. Он был сильно впечатлен моим желанием выжить. В те времена боги были равнодушны к нам, к людям. Они играли нашими жизнями. С божественной помощью некоторые быстро обретали власть, купались в лучах богатства и славы. Лишаясь благосклонности богов, они также быстро теряли могущество, возвращаясь на затворки жизни. Так вот, в своем отчаянии я привлекла внимание бога смерти. У меня не было выбора, Адриана. В обмен на свободу я предложила ему то единственное, что у меня было.

– Что конкретно ты ему предложила? – нервно спросила я, сжимая руками края рубашки.

– Моя жизнь в обмен на *выживание*, – она запрокинула голову и истерично рассмеялась. – Я получила от него кольцо, сделанное из осколков моей собственной души. Кольцо вечной жизни. Но я не хотела быть одинока в своем бессмертии, Адриана. О нет! Я хотела большего – отомстить! Я попросила бога расколоть мою душу на более мелкие части, чтобы изготовить еще одно кольцо. Кроме того, я собрала и другие жизни, висевшие на волоске. Я хотела привязать к себе души других, покорить их, чтобы с их помощью уничтожить каждого, кто предал меня. Скажу тебе только то, что нам это удалось. Но я слишком поздно заметила, что моя душа и души моих приспешников были истерзаны слишком сильно, мы больше не могли оставаться людьми. Я цеплялась за любую крошечную возможность спастись, сохранить жизнь се-

бе и другим. И мы не умерли. Мы продолжали жить здесь в тумане, между мирами. Я умоляла о помощи моего прежнего спасителя, но сила старых богов уже давно угасла. Они уступили место новым божествам. Вместо помощи он обязал нас к новым правилам, тесно связывающим наши души и мир тумана. Мы должны держаться подальше от людей до тех пор, пока не проголодаемся. Ему не нравилось существо, в которое я превратилась, но он ничего не мог с этим поделать, время его могущества давно прошло. Я обошла весь мир в поисках способа снова стать человеком, но при этом сохранить бессмертие. И вот я здесь, наблюдаю за тобой. Все это время я хотела только одного – жить. Все хотят жить. Ты тоже хочешь жить. Я могу осуществить эту мечту.

Мне хотелось отвернуться, спрятать глаза. Я зажмурилась, чтобы не видеть ее бледный силуэт. В следующее мгновение я почувствовала мягкое прикосновение. Она ласково гладила меня по щеке.

– Тебе нечего терять, – прошептала она. – Что еще у тебя можно забрать? Ты уже лишилась всего: семьи, дома, друзей, возлюбленного. Сегодня ты потеряешь и свою невинность. И, поверь мне, очень скоро ты достигнешь предела, будешь молить о смерти, но тебе и в этом откажут. О, Адриана, тебя не убьют, пока не выжмут все соки. До последней капельки.

Ее пальцы замерли на моих щеках. Она дрожала. Казалось, что прикосновения ко мне стоили ей огромных усилий. Ее пальцы обжигали мою щеку холодом, но я терпела. Быва-

ло и большее.

– Хочешь превратить меня в подобие себя? В такое же существо? Это твой способ? – спросила я, нахмурившись.

– Я ничего у тебя не заберу, Адриана. Ни твою душу, ни твою личность, ни твое сознание. Ты все оставишь себе.

– Но если тебе ничего из этого не нужно, какова цена моего спасения?

Я скептически взглянула в ее глаза-угольки. Мне хотелось отодвинуться назад на безопасное расстояние. Ее лицо изменилось. Уголки губ поползли вверх, чтобы вернуть ей дьявольскую улыбку.

– Я не призрак. Я не могу жить вечно. Поэтому мы вынуждены... – она усмехнулась, – подпитываться энергией жизни. А источник этой энергии – вы. Ваша жизненная сила помогает нам не исчезнуть, не умереть. Ваши страх и боль также подпитывают нас, но этого недостаточно. Даже отдаленно несравнимо с тем количеством сил, которые мы получаем, если человек добровольно становится слугой тумана. Я даже подарю тебе кольцо из осколка души.

Амелия многозначительно улыбнулась.

– Вас много? Таких существ, как ты? – спросила я, все еще не в силах поверить в то, что она только что мне предложила. – И вы питаетесь жизненной энергией людей? – повторила я, и мое сердце застучало где-то в висках. – Почему бы вам просто не исчезнуть и не оставить нас в покое?

Она резко спрыгнула с кровати, скрипнув зубами от еле

сдерживаемой злобы. Окруженная туманным ореолом, она начала ходить по комнате из стороны в сторону. Черная дымка все больше и больше окутывала ее тело. Температура в комнате резко упала, как будто мы внезапно погрузились под воду. Другие пациенты, на которых я последнее время совсем не обращала внимания, хныкали, как будто почувствовали невидимую угрозу.

Я открыла рот, чтобы осадить Амелию, попросить не пугать и не трогать других, но язык меня совершенно не слушался. Я не могла сказать и слова.

Она снова подошла ко мне. Туман уже почти скрыл ее фигуру, накрывая будто плащом. Амелия вцепилась в мою руку, и я начала задыхаться. Лед обжег мою кожу. Руку свело судорогой, как если бы в нее разом воткнули тысячу иголок.

– Потому что власть так сладка!

Туман сгущался, образуя плотные облака. Амелия не прекращала смеяться.

– Всякий раз, когда я прикасаюсь к человеку, я нарушаю правила и расплачиваюсь за это адской болью, но хочу сказать тебе одно: иногда это того стоит! А теперь соглашайся! Я уже слышу его тяжелые, шаркающие шаги в коридоре. Я слышу, как быстро бьется его сердце. Он в нетерпении! Я чувствую мерзкий запах его желания!

Я вжалась в кровать. Тело отозвалось болью и усталостью. Запястья ныли при каждом движении. Я отвернулась от Амелии, сжимая челюсти так сильно, что уставшие скулы

начало ломить.

– Нет, я не хочу быть монстром, – я практически безжизненно отклонила ее предложение. За дверью действительно слышались шаги. Они звучали как гром среди ясного неба. Во всяком случае, для меня.

– Тебе не обязательно становиться монстром, глупышка. Ты вправе сама решать, что дальше делать с той жизнью, которую я тебе предлагаю. Это твой выбор, твое будущее. Ты можешь существовать в покое. Тебе просто придется контролировать себя и свой голод, обуздать свои новые силы, – прошипела Амелия, и по ее демонической улыбке я поняла, что она никогда не жила в покое, не пыталась принять свою судьбу и просто уйти. Внезапно между ее костлявыми пальцами мелькнуло металлическое кольцо, которое вместо того, чтобы отражать лунный свет, наоборот, поглощало его. Что-то едва заметное блеснуло золотой искрой. Осколок души.

– Это кольцо необходимо? – спросила я и указала на него. Она засмеялась.

– Нет, можно существовать в мире тумана и без кольца. Но без него ты не сможешь питаться энергией других людей и через несколько лет исчезнешь.

– Исчезну?

– Ты просто растворишься. Со временем станешь прозрачной как слеза, и мир тумана поглотит тебя. Ты умрешь. Слишком много информации. Информации, которую хотелось обдумать. Мне нужно было время, чтобы взвесить все

за и против. Много времени. Но его-то как раз у меня не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.